

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция
(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс
(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации»

Студент

К.С. Дугина
(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, доцент, С.В. Юношев
(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Росдистант
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Уголовная ответственности за злоупотребление и превышение должностных полномочий в российском и зарубежном законодательстве: исторический аспект	9
1.1 Уголовная ответственность за злоупотребление и превышение должностных полномочий в истории отечественного законодательства	9
1.2 Уголовная ответственность за злоупотребление и превышение должностных полномочий в зарубежном законодательстве.....	26
Глава 2 Уголовно-правовая характеристика злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий в современном российском уголовном законодательстве.....	37
2.1 Объективные признаки злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий.....	37
2.2 Субъективные признаки злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий.....	57
Глава 3 Проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий	74
3.1 Проблемы вменения квалифицированных видов злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий	74
3.2 Особенности квалификации злоупотребления и превышения должностных полномочий и их отграничения от других преступлений	85
Заключение	102
Список используемой литературы и используемых источников.....	108

Введение

В обществе публичная власть выполняет две главные свои функции - функцию социального регулирования и социального контроля. Успешное выполнение указанных функций в результате должно обеспечить стабильность и порядок в социуме. Ситуация, при которой лица, состоящие в аппарате публичной власти, превышая возложенные на них полномочия, наносят вред правам граждан, а также общественным и государственным интересам. Кроме того, это влечет нарушение функционирования всей институциональной системы, уменьшению ее результативности и, таким образом, уменьшению управляемости социальных процессов.

Случаи совершения со стороны должностных лиц преступлений влекут дискредитацию органов власти государства, понижению ее авторитета, и, в итоге, происходит отторжение со стороны граждан государственных властных структур. Такое противостояние власти и населения является признаком социально-политического кризиса, преодоление которого является одной из важнейших задач российской власти.

Совершение преступлений со стороны должностных лиц подрывает авторитет государственной власти, нарушает правовой порядок, наносит вред правам физических и юридических лиц, понижает уровень их доверия государству, вследствие того, что нередко виновные должностные лица не несут наказания за содеянное. В результате, сегодня проблемы борьбы с должностными преступлениями не утратили актуальности.

Регулярная практика злоупотреблений и превышений полномочий должностными лицами государственной и муниципальной власти приводит к тому, что такие действия воспринимаются в качестве социальной нормы самими служащими, и в целом населением.

Одним из основных мотивов поступления на государственную службу становится возможность использования административного ресурса к личной

выгоде посредством совершения злоупотребления либо превышения полномочий.

Борьба с преступлениями, которые совершаются должностными лицами посредством злоупотребления и превышения ими своих должностных полномочий, должна быть системной и последовательной. Однако всякие меры, которые предпринимаются со стороны государства и направлены на борьбу с должностными преступными деяниями, будут являться декларативными без эффективного механизма их исполнения. Большую роль в данном механизме имеет и правильная квалификация совершенных должностными лицами преступлений.

Как известно, квалификация преступных деяний выступает центральной стадией правоприменительной деятельности по уголовным делам. Точная и своевременная квалификация позволяет сократить сроки расследования, выступает в качестве одного из условий результативной работы органов предварительного расследования, обеспечивает неотвратимость уголовного наказания.

Вместе с тем, исследование правоприменительной практики указывает на то, что органы предварительного расследования и суды зачастую испытывают сложности и допускают ошибки при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 285, 286 УК РФ. Как правило, трудности касаются проблем относительно правового статуса субъекта должностного преступления, квалификации действий должностного лица, при котором виновный совершает недолжностное преступление, разграничении составов злоупотребления и превышения между собой, а также со смежными составами.

Изучение проблемных вопросов должностных злоупотреблений и превышений, в соответствии с вышеизложенным, имеет особую актуальность в современных экономических условиях, поскольку в интересах реализуемых российских реформ следует продемонстрировать гражданам, что

современное российское государство может надежно обеспечить защиту своих граждан.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие вследствие совершения злоупотребления и превышения должностных полномочий.

Предметом исследования являются нормы права, устанавливающие уголовную ответственность за злоупотребление и превышение должностных полномочий; правовые нормы, предусматривающие уголовную ответственность за злоупотребление и превышение должностных полномочий по законодательству дореволюционной и советской России; законодательство зарубежных государств об уголовной ответственности за исследуемые составы; научные труды по данному вопросу; судебная практика по данной категории уголовных дел.

Целью работы выступает анализ уголовно-правовой характеристики, проблем квалификации злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий.

Исходя из указанной цели, в работе были поставлены следующие задачи:

- рассмотреть историю развития уголовной ответственности за злоупотребление и превышение должностных полномочий в отечественном законодательстве;
- проанализировать уголовную ответственность за злоупотребление и превышение должностных полномочий в зарубежном законодательстве;
- исследовать объективные признаки злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий;
- рассмотреть субъективные признаки злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий;

- проанализировать проблемы вменения квалифицированных видов злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий;
- исследовать особенности квалификации злоупотребления и превышения должностных полномочий и их отграничения от других преступлений.

Исследователи внесли свой ощутимый, весомый вклад в накопление способствующих формированию предпосылок для дальнейшего понимания и разрешения проблемных вопросов, связанных с злоупотреблением должностными полномочиями и превышением должностных полномочий. Тем не менее, несмотря на приумножение числа работ ученых, проблем, связанных с злоупотреблением должностными полномочиями и превышением должностных полномочий, остается довольно много на сегодняшний день.

Некоторые ранее предложенные решения с течением времени утратили актуальность, что связано с изменением законодательства. Концептуальные вопросы, связанные с осмыслением сущности злоупотреблением должностными полномочиями и превышением должностных полномочий, остались нерешенными и в настоящее время.

Нормативно-теоретическую базу исследования составили Конституция Российской Федерации, федеральные законы Российской Федерации, указы Президента Российской Федерации, а также труды ученых, посвященных вопросам злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий.

Эмпирической базой работы являются материалы опубликованной судебной практики, а также Постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам должностным злоупотреблениям и превышения должностных полномочий.

Новизну исследования определяет недостаточность теоретической разработанности темы исследования. Научные знания, полученные в ходе

исследования дали возможность обнаружить значимые дополнения к известным факторам, характеризующим злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий в современном уголовном праве.

Практическая значимость исследования заключается в том, что предложения направленные на совершенствование уголовного законодательства можно применить в уголовной практике с целью оптимизации злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий.

Некоторые материалы исследования можно использовать как учебный материал при подготовке юридических кадров.

Методологическая основа исследования базируется на диалектическом методе научного познания социальной действительности, который обеспечивает научный подход к анализу процессов и явлений общественной жизни. В исследовании применены также и другие как общие, так и частные методы научного исследования, такие как дедукция, индукция, синтез, анализ, а также использован формально-юридический, логический, системно-структурный, сравнительно-правовой, исторический методы.

Методика исследования включала изучение фундаментальных работ в области теории уголовного права, уголовного законодательства как действующего, так и дореволюционного, и советского, а также работ в иных отраслях права, относящихся к проблеме исследования, документов, обзоров и методических рекомендаций, диссертационных исследований, статистических данных, касающихся вопросов злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий в уголовном праве России.

Структура исследования соответствует ключевой цели и задачам, поставленным в работе. Работа включает введение, где сформулирована актуальность, цели, задачи исследования, основную часть, которая состоит из

трех глав, заключения, где сформулированы основные выводы исследования и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Уголовная ответственности за злоупотребление и превышение должностных полномочий в российском и зарубежном законодательстве: исторический аспект

1.1 Уголовная ответственность за злоупотребление и превышение должностных полномочий в истории отечественного законодательства

Изучение исторического развития уголовного законодательства обуславливается необходимостью исследования функционирующего законодательства за злоупотребление и превышение должностных полномочий и его применения с целью последующего правового развития.

Ответственность за превышение власти впервые закрепляется в Соборном уложении 1649 г., которое определило наказание за данное преступление дьяками, воеводами и приказными людьми, влекущее для потерпевших:

«А которые воеводы и дьяки и всякия приказные люди, будучи у государевых дел в городех, учнут городским и уездным всяким чинов людям чинити продажи и убытки, и в том на них будут челобитчики, и сыщется про их продажи и про насильство допряма, и на тех воеводах по сыску взятое правити тем людям, кого они чем избидят, да на них же имати на государя пеню, что государь укажет, смотря по делу» [74, с. 125].

Данный состав преступления выступал как материальный, поскольку требовал наступления таких последствий, как продажи и убытки. Вместе с тем, альтернативным признаком выступало насилие. Изучение Соборного Уложения 1649 г. указывает на то, что рассматриваемое преступление могло быть совершено исключительно посредством действия и с умышленной формой вины.

В наибольшей степени обширный круг ситуаций превышения и злоупотребления властью был закреплен главой 50 Генерального регламента

коллегий Петра I от 28 февраля 1720 года и функционирующий вплоть до принятия Свода законов Российской империи 1833 года.

Глава 50 Генерального регламента коллегий определяла следующее: «противно же те, которые против своей должности оплошкою или вымыслом погрешат, неотменно наказаны будут по важности дела, яко же следует:

- Когда кто злым образом на время, или вовсе, тайно из коллегийных писем и документов что унесет.
- Или кто под каким-нибудь предлогом неправдиво учинит рапорт (или доношение), или о состоянии дела, и некоторые предложения и прочее тому подобное с умысла удержит, или весьма утоит, и полученный указ в действо не произведет.
- Или кто протоколы или другие документы переправить фальшиво, и прочее в таких причинах подобное учинит.
- Когда кто постороннему, кому не надлежит тайности коллегийны сообщить резолюции, прежде времени объявить протоколы, и потом которого члена голос или мнения покажет.
- Или кто по дружбе, или по вражде, или из взятков, или других намерений что пренебрежет, которое ему чинить надлежало, таковым за преступления как вышним, так и нижним надлежит чинить смертная казнь, или вечная на галеру ссылка с вырезыванием ноздрей и отнятием всего имения; ежели же кто меньшее преступление учинить, как выше писано, таковым за преступление наказания чинить ссылкой на галеру временною, со отнятием всего или части имения, или лишением чина и тяжким штрафом (ежели впервые) по силе прегрешения» [75, с. 317].

В главе 50 Регламента указываются объективные признаки нескольких преступных деяний. Указанные деяния именуется как злоупотребление и превышение должностных полномочий, служебный подлог. Наименование и общий смысл указанных деяний были изложены в Регламенте аналогично их современной трактовке.

Состав преступления в данном случае является формальным, поскольку последствия как обязательный признак преступления не указаны. В качестве субъектов преступного деяния выступают служители всех коллегий. Субъективная сторона характеризуется умышленной и неосторожной формой вины, на что указывает применяемое в документе выражение «оплошкою или вымыслом». В данном случае наказание в наибольшей степени жесткое, чем по Соборному Уложению 1649 года, и варьируется от лишения чина со штрафом до смертной казни.

Также отдельные черты превышения власти регламентированы и в Артикуле воинском 1715 года. Так, Артикул 33 определяет следующее: «Такожде никто из офицеров да не дерзает обретающихся под своею командою солдат, без важных и пристойных причин, которья службе его величества не касаются, жестоко бить или уязвить. Кто против того преступит, воинскому суду представлен и потом, по изобретению дела, наказан будет. А есть ли он то часто чинить будет, имеет своего чина лишен быть: ибо он тот чин всеу употребил» [75, с. 318].

Таким образом, указанным Артикулом офицерам запрещается применять физическое насилие к подчиненным по службе лицам под угрозой применения наказания.

Из данной нормы вытекает, что совершаемые преступные деяния могли быть совершены исключительно с умышленной формой вины. В качестве субъектов деяний выступали офицеры всех рангов. Данным Артикулом закреплялась ответственность за частные ситуации превышения полномочий и с главой 50 Генерального регламента коллегий дополнялись положения Соборного Уложения, таким образом, охватывая обширный круг действий, которые подпадали под объективные признаки превышения должностных полномочий в современном понятии, т.е. ответственность за них дифференцировалась на законодательном уровне, в том числе с помощью выделения отдельных положений.

В п. 1 главы 279 «Общего учреждения министров» в 1811 г. впервые закрепляется понятие «превышения власти» В данном документе было определено, что уголовное наказание может быть в ситуациях, при которых «министр, превысив пределы своей власти, поставит что-либо в отмену существующих законов, уставов или учреждений, или же собственным своим действием и, миновав порядок доселе установленный, подпишет к исполнению такую меру, которая требует нового закона или постановления» [76, с. 122].

Из приведенного понятия можно сделать вывод, что превышение власти рассматривалось как деяние, имеющее активный характер.

С принятием «Свода законов» 1832 года превышение власти стало иметь распространение на всех без исключения должностных лиц.

Во второй половине XIX века основополагающим законодательным актом, который устанавливал сферу противоправного поведения и определяющим его наказуемость, являлось «Уложение о наказаниях Уголовных и исправительных» 1845 г., вторая глава которого именовалась «О превышении власти и противозаконном оной бездействии» и включала положения об уголовной ответственности за само превышение власти и за определенные его виды.

В ст. 367 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» было включено определение превышения власти, практически не имевшее никаких отличий от определения, которое предусматривалось в ст. 278 «Свода законов» 1832 года и определялось следующим образом:

«Чиновник или иное должностное лицо признается превысившим власть ему вверенную, когда выступив из пределов и круга действий, которые предписаны ему по его званию, должности, месту или особому поручению, учинит что-либо в отмену или же вопреки существующих указаний, учреждений, уставов или данных ему наставлений, или же вопреки установленному порядку предпишет или примет такую меру, которая не иначе может быть принята, как на основании нового закона, или присвоив

себе право, ему не принадлежащее, самовольно решит какое-либо дело, или же дозволит себе какое-либо действие или распоряжение, на которое не испросив оно надлежащим образом» [76, с. 131].

«Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» в наибольшей степени преобразовало признаки объективной стороны, которое выразилось в следующем:

- указание на выход должностного лица за границы предусмотренных для него действий;
- установление исчерпывающего круга оснований, которые определяют границы данных действий;
- к понятию «превышение власти» были добавлены два вида превышения: совершение должностным лицом таких поступков, которые являются компетенцией иного должностного лица либо органа, и совершение должностным лицом действий, если у него не имеется на то особых правомочий.

Причинение насилия в качестве превышения власти не признавалось: уголовная ответственность за него предусматривалась в отдельных положениях (ст. 374 и 375 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных»).

В качестве объективной стороны выступало совершение таких деяний, которые выходят за пределы полномочий должностного лица, а также тех, которые формально соответствуют компетенции субъекта преступления, однако вступают в противоречие с государственными интересами, а также интересами службы, так как совершены без достаточных оснований.

Указанные действия могли состоять и в фактической деятельности субъекта преступления, и в издании им незаконных устных либо письменных решений.

Таким образом, можно сделать вывод, что и превышение, и злоупотребление властью в современном их осмыслении, включались в один состав преступного деяния.

Кроме объекта, в качестве специфики должностных преступных деяний выступало то, что данные преступления совершаются лицами, которые занимают особенное положение и при этом использующие служебное положение.

В каждом составе должностных преступных деяний субъект был определен конкретно, в зависимости от содеянного, к примеру, чиновник, служащий, лицо, которое состоит на государственной либо общественной службе и т.д. в данном случае лицом, которое состоит на общественной службе являлся субъект, должность которого определена законом, хоть и замещается по выбору.

Кроме того, Уложение закрепило следующие виды превышения власти, которые образовали три категории. При этом градация указанных видов осуществлялась по степени их важности. При этом под важностью, исходя из современного правопонимания, подразумевалась степень тяжести, наступивших ввиду противоправных действий, результатов. Указанные категории превышения власти именовались следующим образом:

- важные;
- особо важные;
- не важные.

Установление уровня важности находилось на судебном усмотрении.

Среди противоправных действий, которые были сопряжены с превышением власти, в нормах Уложения были закреплены и те, которые одновременно с превышением власти посягали на жизнь и здоровье отдельных людей.

В 1903 году принимается новое Уголовное уложение. В практической деятельности были применимы не все нормы, которые содержали в Уголовном уложении, а только те, которые характеризовали противоправные деяния в сфере функционирования государственной власти. Остальные сферы жизнедеятельности российского общества и государства регулировались нормами, содержащимися в Уложении о наказаниях

уголовных и исправительных 1845 года с изменениями и дополнениями от 1885 года.

Противоправные деяния, связанные с превышением власти, нормативно были закреплены в статье 636 Уголовного уложения. При этом указанная норма и содержащееся в ней понятие превышения власти были аналогичны статье 367 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Однако, частью 4 статьи 636 Уложения было определено понятие субъекта преступления, который по всем закрепленным признакам и характеристикам являлся единым как для составов преступлений в сфере государственной службы, так и для составов преступлений в общественной службе, что являлось единственным отличием от нормы, содержащейся в статье 367 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Указанным единым субъектом преступления являлся служащий, определению которому давалось следующим образом: «всякое лицо, несущие обязанности или исполняющее временное поручение по службе государственной или общественной, в качестве должностного лица, или полицейского или мещанского управления» [95, с. 372].

При квалификации противоправного деяния как превышение власти не учитывались такие характеристики служащего, применяемые для его классификации в сфере гражданской службы, как, к примеру, должность, правовой статус, разновидность реализуемых полномочий, что еще раз указывает на единый характер, определяющий субъекта указанного преступления.

Кроме того, необходимо отметить, что субъективная сторона преступлений, связанных с превышением власти, характеризовалась двумя формами вины, к которым относятся умысел и неосторожность.

При квалификации деяния как преступления, связанного с превышением власти, на размер назначаемого наказания оказывал влияние размер причиненного вреда, определяющий непосредственно степень

тяжести содеянного. Также при квалификации значение имело наличие в деянии корыстного мотива.

Злоупотребление служебным положением в нормах Уголовного Уложения было закреплено не как отдельное преступление, а как квалифицирующий признак должностных преступлений, установление которого способствовало назначению более жесткого наказания. При этом злоупотребление должностными полномочиями, как квалифицирующий признак или дополнительное условие назначения наказания за совершенное преступление, содержался в нормах статьи расположенной в Общей части Уложения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что дореволюционное уголовное законодательство характеризуется наличием в нем только одной статьи, которая закрепляла противоправное деяние в виде превышения и злоупотребления должностными полномочиями, если их толковать в современном их значении.

Дореволюционное отечественное законодательное развитие уголовной ответственности за превышение власти было поступательным. Впервые закрепившись в Соборном Уложении 1649 года, данная норма неизменно изменялась как по технике ее построения, так и позиции осуществляемой дифференциации уголовной ответственности.

Понятие превышения власти как преступления, которое было закреплено в нормах пункта 1 главы 279 Общего учреждения министров в 1811 году, в неизменном виде применялось до 1917 года.

Однако неизменным оставалось только нормативное определение превышения власти, но элементы состава превышения власти как преступления подвергались постоянной доработке, равно как и наказание за него, которое изменялось в зависимости от придания данному преступлению все большей тяжести относительно последствий.

Злоупотребление служебным положением как квалифицирующий признак и условие совершения преступления стало рассматриваться в 1903

году, посредством закрепления его в нормах Общей части Уголовного уложения. Указанный признак носил отягчающий характер, предполагающий увеличение наказания служебного преступления.

Октябрьская революция, произошедшая в 1917 году, способствовала смене правящего режима в российском государстве с царского на социалистический, что явилось причиной ликвидации и отмены действующего законодательства. В указанный период было положено начало развитию российского социалистического права.

Социалистическим государством уделялось большое внимание ведению борьбы с должностными посягательствами. Так, Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. в ст. 8 закрепил организацию революционных трибуналов в целях борьбы с опасными преступными деяниями, включая злоупотребления промышленников, чиновников и других субъектов [20].

Отношения превышения власти Декрет № 1 не регулирует, указывая только о злоупотреблении вследствие того, что законодатель разграничения между данными преступлениями не проводилось.

Кроме того, Циркуляр Кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918 г. «преступления по должности» сводил к использованию общественного либо административного положения посредством злоупотребления властью, которая предоставлялась народом, т.е. все должностные преступные деяния являлись частными случаями одного общего состава - злоупотребления.

Впервые о превышении власти в качестве самостоятельного преступления говорит «Положение о революционных военных трибуналах» от 20 ноября 1919 г. Данный акт относит превышение власти к «деяниям общедолжностного характера», если виновным был причинен существенный вред [21].

26 февраля 1921 г. НКЮ РСФСР в постановлении «Об усилении уголовной ответственности должностных лиц за преступления, совершаемые

при продовольственной работе» [70] были закреплены отдельные виды превышения власти:

- «превышение власти продагентами, имеющих явную корыстную цель;
- превышение власти без корыстной цели, но сопутствовавшие дискредитацией власти социалистического государства и несущие значительные последствия;
- применение насильственных действий при осуществлении продуктовой развертки» [78, с. 30].

1 июля 1922 г. был введен Уголовный кодекс РСФСР, который включал главу 2 «Должностные (служебные) преступления», содержащую 14 статей. Статья 105 УК РСФСР 1922 г. включала злоупотребление властью как самостоятельный вид должностного преступного деяния.

Статья 105 УК РСФСР под злоупотреблением понимала «совершение должностным лицом действий, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению и которое, не будучи вызвано соображениями служебной необходимости, повлекло за собой нарушение правильной работы учреждения или предприятия, или общественного порядка, или частных интересов отдельных граждан» [72].

Злоупотребление властью в нормах действующего уголовного законодательства было представлено как родовое должностное преступное деяние. Это объяснялось тем, что в него были включены все особенности и свойства, присущие должностному преступлению. При этом злоупотребление властью рассматривалось, как самостоятельное преступление и было закреплено в отдельной норме.

Превышение власти рассматривалось как «совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы предоставляемых ему законом прав и полномочий» [72].

Ст. 105 УК РСФСР включала примечание, которое определяло понятие должностного лица – «лицо, занимающее постоянную или временную

должность в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также организации или объединении, имеющем по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительских и других общегосударственных задач» [72].

В том случае, когда превышение власти было насильственным, с применением какого-либо оружия либо сопровождалось мучениями либо оскорблениями личного достоинства потерпевших лиц, предусматривалось наказание в виде лишения свободы виновного не менее чем на 3 года, а «при особо отягчающих обстоятельствах» предусматривалось наказание в виде смертной казни. Определения «особо отягчающих обстоятельств», также как и «отягчающих обстоятельств», УК РСФСР 1922 г. не имел.

Постановлением ВЦИК 22 ноября 1926 г. введен новый Уголовный кодекс РСФСР, содержащий главу 3 «Должностные (служебные) преступления», которая содержала практически те же составы, что и УК РСФСР 1922 г.

Внесенные изменения в УК РСФСР 1926 г. в описание должностных преступных деяний носили уточняющий характер. Так, УК РСФСР 1926 г. вместо «злоупотребление властью» и «превышение власти», предусматривает злоупотребление властью или служебным положением (ст. 109 УК РСФСР 1926 г.) и превышение власти или служебных полномочий (ст. 110 УК РСФСР 1926 г.).

Под злоупотреблением властью или служебным положением понимались «действия должностного лица, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению и которые не вызывались соображениями служебной необходимости, имели своим последствием явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия, или причинили ему имущественный ущерб, или повлекли за собой нарушение общественного порядка или охраняемых законами прав и интересов отдельных граждан, если эти действия совершены должностным

лицом систематически, или из соображений корыстных или иной личной заинтересованности, или хотя бы не повлекли, но заведомо для должностного лица могли повлечь за собой тяжелые последствия».

Под превышением власти или служебных полномочий понималось «совершение действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных законом совершившему их, при наличии признаков, предусмотренных в предыдущей статье (в статье о злоупотреблении властью или служебным положением)» [71].

Содеянное являлось преступным «при наличии признаков, указанных в ст. 109 УК РСФСР 1926 г., т.е. при условии, «если такие действия должностное лицо могло совершить единственно благодаря своему служебному положению и которые, не вызываясь соображениями служебной необходимости, имели своим последствием нарушение правильной работы учреждения или предприятия или причинили ему имущественный ущерб, или повлекли за собой нарушение общественного порядка или охраняемых законами прав и интересов отдельных граждан, если эти действия совершались должностным лицом систематически или из соображений корыстных, или иной личной заинтересованности, или хотя бы и не повлекли, но заведомо для должностного лица могли повлечь за собой тяжелые последствия», т.е. в указанном случае применяется отсылочный метод законодательной техники.

Установленные ст. 109 УК РСФСР 1926 г. криминообразующие признаки следует дифференцировать на следующие группы.

К первой группе относятся такие последствия, при которых превышение власти являлось преступным - нарушение правильной деятельности организации, нанесение имущественного вреда организации, нарушение общественного порядка либо прав и интересов отдельных граждан. Другие последствия или исключали ответственность за превышение, или составляли иной состав деяния (ст. 112 УК РСФСР 1926 г.).

Ко второй группе относятся альтернативные объективные и субъективные признаки (регулярность, корыстные мотивы либо другая личная заинтересованность). В случае присутствия указанных признаков содеянное являлось преступным вследствие наличия указанных признаков, поскольку, с позиции законодателя, являлось в наибольшей степени опасным для общества и государства.

К первой группе относится угроза наступления тяжких последствий. Здесь наступления реальных последствий не является необходимым.

Следовательно, в основном составе превышения власти либо служебных полномочий были заложены три самостоятельных состава, которые имели отличия друг от друга по объективным и по субъективным признакам состава преступления [30, с. 53].

Проводимая в государстве новая экономическая политика содействовала организации различных юридических лиц, таких, как кооперативы, акционерные общества, товарищества, частные торговые предприятия, а также предприятия с иностранным и частным капиталом.

Служащие негосударственных предприятий являлись должностными лицами, если на данные негосударственные предприятия была возложена реализация задач государства.

В ст. 109 УК РСФСР 1926 г. содержались два примечания, первое из которых предусматривало определение должностного лица, подобное тому, которое содержалось в примечании к ст. 105 УК РСФСР 1922 г. Второе примечание предписывало, что «должностные лица профессиональных союзов за совершенные ими служебные преступления, если они привлечены к ответственности по постановлениям профессиональных союзов, отвечают как за преступления должностные».

Эта оговорка являлась так называемой «административной гарантией», то есть, в том случае, когда профсоюз не посчитает нужным возбудить следствие, ограничившись наказанием дисциплинарного характера, то виновный не подлежал преследованию по инициативе прокуратуры.

По нормам УК РСФСР 1922 г. и 1926 г. злоупотребление властью и превышение власти могли совершаться как с умышленной формой вины, так в результате неосторожности. Последнее могло быть, если должностное лицо не предвидело заблаговременно наступления последствий, повлекших данные деяния, хотя могло и должно было предвидеть. Причем, сфера применения ч. 1 ст. 109 УК РСФСР 1926 г. была ограничена ситуациями неосторожной формой вины и ситуациями, при которых виновное лицо следовало не личным представлениям, а служебным интересами, либо интересам прочих лиц. Что касается превышения власти, то оно признавалось совершенным с неосторожной формой вины, если виновное лицо не осмысливало, хотя могло и должно было осознавать, что своими действиями им нарушаются права и обязанности своего учреждения.

УК РСФСР 1926 г. предусматривает уже злоупотребление властью либо служебным положением (ст. 109) и превышение власти либо служебных полномочий (ст. 110). Это указывает на то, что должностное лицо может совершить указанные преступные деяния как вследствие возложенных на него служебных обязанностей, так а и посредством использования своего должностного положения.

УК РСФСР 1926 г. состав злоупотребления властью или должностным положением содержал признак «системности», предполагающий не механическую систему действий, а обусловленное активное психическое отношение виновного к собственным действиям, т.е. преднамеренное поведение, содержащее умысел.

Кроме вышеуказанных признаков, превышение власти имело такой признак, как «действия должностного лица должны были явно выходить за пределы компетенции должностного лица».

В качестве квалифицирующего признака превышения выступало совершение преступного деяния посредством насильственных действий, использования оружия, мучений и оскорблений личного достоинства потерпевшего лица.

УК РСФСР существенно увеличил сферу применения понятия «превышение власти» посредством включения определенных случаев. Наказывались действия введения новых видов обложения по волеизъявлению ведомства, взыскания штрафных санкций в непредусмотренном на законодательном уровне порядке, проведение валютных операций должностными лицами и представителями кооперативов.

Статьей 110 УК РСФСР 1926 г. закреплялся особо квалифицирующий вид злоупотребления и превышения власти, который предусматривался самостоятельной нормой по причине особо тяжких последствий, к которым относились: расстройство хозяйственных производственных аппаратов, распределения либо снабжения, либо расстройство транспорта, заключение очевидно нерентабельных договоров и сделок для государства, либо любой другой подрыв и растрачивание достояния государства в ущерб интересам народа.

В дальнейшем УК РСФСР 1960 г. в главу 7 «Должностные преступления» включал 6 статей, среди которых было злоупотребление властью или должностным положением (ст. 170), превышение власти или служебных полномочий (ст. 171).

По УК РСФСР 1960 г. правовое регулирование уголовной ответственности за должностные преступления было более четким, с описанием признаков преступных деяний, уменьшением круга преступного поведения, смягчением уголовных наказаний за отдельные преступные посягательства.

По УК РСФСР 1960 г. под злоупотреблением властью или служебным положением понималось «умышленное использование должностным лицом своего служебного положения вопреки интересам службы».

В качестве обязательного условия наступления ответственности являлось совершение злоупотребления властью или служебным положением вследствие корыстного мотива либо прочего личного интереса и нанесение виновным значительного вреда интересам общества или государства или

правам и законным интересам граждан. В качестве квалифицирующего обстоятельства злоупотребления властью или служебным положением выступали тяжкие последствия.

Превышение власти или служебных полномочий состояло в преднамеренном совершении виновным деяний, которые выходят за грани его функций, при нанесении значительного вреда интересам общества либо государства или правам и интересам граждан. Уголовная ответственность ужесточалась в том случае, когда превышение власти или служебных полномочий совершалось с применением насильственных действий, использованием оружия либо с применением мучительских действий и оскорблениями личного достоинства потерпевшего лица.

Ст. 170 УК РСФСР 1960 г. имела примечание, где содержалось понятие должностного лица: «под должностными лицами в статьях настоящей главы понимаются лица, постоянно или временно осуществляющие функции представителя власти, а также занимающие постоянно или временно в государственных или общественных учреждениях, организациях или на предприятиях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, или выполняющие такие обязанности в указанных учреждениях, организациях, или на предприятиях по специальному полномочию» [87].

Указанное понятие выражало политические изменения, «огосударствление» предприятий, учреждений и организаций (кроме религиозных учреждений), которые являлись общественными или государственными.

Вследствие этого, в понятии должностного лица, являющегося субъектом должностных преступных посягательств, без различных оговорок, говорилось, что в качестве такого выступает лицо, которое в любом государственном либо общественном учреждении, занимает должность по осуществлению организационно-распорядительных либо административно-хозяйственных полномочий.

Существенное значение в развитии уголовной ответственности за совершение злоупотребления или превышения должностных полномочий имело принятое 30 марта 1990 г. Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или должностных полномочий, халатности или должностном подлоге» [37], в котором содержалась официальная трактовка организационно-распорядительных и административно-хозяйственных обязанностей, которые составляли содержание правомочий должностного лица, рассматривались понятия значительного вреда, корыстной либо прочей заинтересованности личного характера.

Концепцию относительно недопустимости отождествления преступных деяний, которые совершаются публичными служащими и деяний, которые совершаются служащими других организаций закрепил Уголовный кодекс РФ 1996 г., вследствие в чего, в УК РФ имеется две главы: глава 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» и глава 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» [86].

Таким образом, исторический анализ норм о злоупотреблении и превышении должностных полномочий показал, что в условиях становления и развития нормативной, правоприменительной и научной деятельности в России постепенно формировалось учение о современном понятии составов этих преступлений, что это учение оказывает положительное влияние на правильное понимание и эффективное применение действующего уголовного законодательства.

1.2 Уголовная ответственность за злоупотребление и превышение должностных полномочий в зарубежном законодательстве

Исследование опыта зарубежных государств уголовно-правовой регламентации отношений, которые возникают вследствие совершения преступных деяний позволяет полнее изучить зарубежное право, применить достижения законодательства иных стран, позволяет наилучшим образом уяснить суть изучаемых правовых вопросов.

«Зарубежный опыт реализации уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий вызывает большой интерес в связи с тем, что возникновение и развитие социальных институтов гражданского общества, создание и функционирование органов государственной власти, выполняющих важные экономические, правоохранные и иные функции, стало существенным направлением общественного развития в России» [96, с. 214].

В зарубежных государствах законодательное закрепление таких определений как злоупотребление служебным положением и превышение должностных полномочий по своей сущности различно. Это объясняется следующим.

В законодательстве ряда государств отсутствует общее нормативное определение злоупотребления должностными полномочиями, равно как и не закреплен его общий состав, но включены частные положения, которые направлены на осуществление правового регулирования отдельных видов злоупотребления должностными полномочиями.

В других государствах напротив, имеется общее определение, под которое подпадают случаи злоупотреблений должностными полномочиями. Относительно превышения должностных полномочий следует сказать, что в отдельных странах данное понятие отсутствует. [107, р. 444]

Так, в Уголовный кодекс Франции 1992 года предусматривает уголовное наказание за следующие виды преступлений, как должностные

преступления, которые размещены в главе 2 «О посягательствах на государственные органы управления, совершенные лицами, находящимися на государственной службе» раздела 3 «О посягательствах на государственную власть» книги 4 данного Уголовного кодекса.

В Уголовном кодексе Франции не закреплено общее понятие злоупотребления властью, а имеются отдельные нормы, закрепляющие определенные виды рассматриваемых злоупотреблений.

Если анализировать преступную направленность злоупотребления полномочиями по Уголовному кодексу Франции можно выделить следующие группы:

- а) «Действия государственного представителя власти, которыми при осуществлении возложенных на него государством полномочий либо предпринятых мер нарушено исполнение законодательства (ст. 432-1 - 433-3 УК Франции)» [55, с. 10]. Рассматриваемое нормативное положение, содержащееся в Уголовном кодексе Франции, по своему значению является общим, определяющим должностное преступное деяние. При этом в качестве квалифицирующего признака, присущего злоупотреблению, выделяется обязательное наступление последствий, опасных по своему значению и характеру.
- б) Злоупотребления власти направленные на права граждан, которые гарантируются и охраняются государством (ст. 432-4 - 432-9 УК Франции). Нормы, предусматривающие указанные злоупотребления размещены в отдельных параграфах Уголовного кодекса Франции:
  - 1) § 1 предусматривает ответственность за покушение на личную свободу граждан;
  - 2) § 2 предусматривает уголовную ответственность за дискриминацию в отношении граждан;

- 3) §3 предусматривает уголовную ответственность за посягательство на неприкосновенность жилого помещения;
- 4) §4 предусматривает уголовную ответственность за нарушение тайны переписки» [82, с. 251].

Наибольшее количество должностных злоупотреблений во французском УК – это преступные деяния, относящиеся к средней тяжести. Максимальное уголовное наказание в данном случае - тюремное заключение до 10 лет.

Французский УК публичного должностного лица не имеет. Субъектом должностных преступных деяний, как правило, выступают «представитель власти государства - лицо, осуществляющее какое-либо задание органов аппарата государства; лицо, которое имеет общественный мандат. Также в некоторых положениях УК Франции предусмотрено: публичное должностное лицо, представитель либо служащий учреждения государства, работник национализированного учреждения, работник экономического общества, где государство либо государственное учреждение владеет более 50% капитала, управляющий либо служащий государственного учреждения, служащий местного самоуправления, государственный бухгалтер и др.» [66, с. 37].

Не имеет общего понятия злоупотребления должностными полномочиями также и Уголовный кодекс ФРГ, но в отличие от французского УК число норм, устанавливающих ответственность за преступные деяния, по сути выступающих как злоупотребление должностными полномочиями, намного меньше. [110, р. 506].

В германском УК должностные преступные деяния объединяются по следующим признакам:

- 1) субъект преступного деяния. Во многих параграфах раздела 30 УК ФРГ субъектом является должностное лицо, определение которого приведено в главе 2 «Объяснение терминов», §11 «Понятие лиц и вещей» и сформулировано следующим образом: «тот, кто согласно германскому праву:

- является чиновником или судьей;
- связан прочими государственно-правовыми отношениями по должности, или
- кроме того, в органе власти или любом другом учреждении выполняет задачи государственного управления или по их поручению без ущерба для выполнения задач выбранной организационной формы» [2, с. 276].

В отдельных случаях к уголовной ответственности за должностные преступные деяния по УК ФРГ привлекается лицо, которое имеет особые полномочия на осуществление публичных обязанностей. Кроме того, субъектом должностного преступного деяния могут быть и другие лица, к примеру, адвокаты, прочие защитники и т.д.

2) объект преступного деяния – нормальная деятельность аппарата государства.

Аналогично французскому УК, виды злоупотреблений властью по УК ФРГ можно подразделить на следующие группы:

- нанесение телесных повреждений при осуществлении должностных полномочий. Особенно строгое наказание предусмотрено за нанесение тяжкого телесного повреждения.
- злоупотребления полномочиями при взимании вознаграждений и сборов - своеобразного мошенничества. В отличие от первой группы, здесь в качестве субъекта могут выступать адвокат, либо другой защитник. [106, р. 23].

Максимальный срок уголовного наказания за злоупотребление властью - 15 лет лишения свободы.

УК Италии, КНР, Дании и др. предусматривает общее понятие злоупотребления полномочиями. [109, с. 527].

Так, итальянский УК закрепляет уголовную ответственность за служебные преступные деяния в главе 1 «О преступлениях должностных лиц». В качестве должностного лица выступает лицо, исполняющее

законодательные, судебные или административные государственные функции. Под государственной функцией понимается функция регулируемая положениями публичного права и правовыми актами органов государственной власти и характеризуется проявлением воли публичной администрации [55, с. 24].

Уголовная ответственность за злоупотребление должностными полномочиями предусматривается и в ст. 323 УК Италии. В соответствии с указанной нормой, должностное лицо либо исполняющий обязанности должностного лица, которые для личной выгоды либо для выгоды иных лиц противозаконных неимущественных выгод или для причинения ущерба иным лицам злоупотребляют должностными функциями.

В качестве квалифицирующего признака злоупотребления должностными полномочиями выступает достижение для себя либо третьих лиц имущественных выгод. УК Италии в ст. 323-2, предусматривает обстоятельства, смягчающие уголовное наказание. В силу ст. 323-2 УК Италии, если действия, регламентированные ст. 323 УК Италии - злоупотребление служебным положением и отдельными иными статьями УК Италии, являются малозначительными, уголовное наказание снижается.

Максимальный срок уголовного наказания за злоупотребление по итальянскому УК - 7 лет лишения свободы.

УК Дании включил главу 16 «Преступления, совершенные при осуществлении государственной функции», § 155 которой имеет норму, закрепляющую ответственность в случае, когда всякое лицо, которое исполняет государственные функции, злоупотребляет положением для нарушения прав частного лица либо органа государства, то оно наказывается штрафом либо заключению под стражу.

Уголовное наказание ужесточается, когда лицо, которое реализует государственные функции, злоупотребляет положением для приобретения не предусмотренной законодательством привилегии в собственных целях либо для третьих лиц.

§150 датского УК предусматривает один из частных случаев злоупотребления - всякое лицо при реализации государственной функции злоупотребляет положением, в целях принуждения какого-либо лица сделать, либо воздержаться от совершения каких-либо действий.

За подобные преступления УК Дании предусматривает максимальное уголовное наказание - тюремное заключение на срок, не более 6 лет.

В Китае уголовная ответственность за злоупотребление служебными полномочиями устанавливается в главе 9 «Должностные преступления» [84, с. 65].

Статья 397 УК КНР включила общее положение относительно злоупотребления должностными полномочиями и халатном отношении к должностным обязанностям работников органов государства. Однако, в УК МКНР не имеется описания поступков, входящих в понятие злоупотребления и халатного отношения к должностным обязанностям.

В качестве квалифицирующего признака злоупотребления должностными полномочиями и халатном отношении к должностным обязанностям выступает наступление существенных обстоятельств, а также совершение данных действий по мотиву корысти.

Понятие сотрудников органов государства предусматривается в ст. 93 УК КНР. Под ними понимаются лица, которые осуществляют служебные функции в органах государства.

По ст. 93 УК КНР квалифицируются и преступления таможенных работников и сотрудников органов валютного контроля.

Кроме того, УК КНР включает особые положения, которые содержат виды злоупотреблений должностными полномочиями, но все они взаимосвязаны с финансово-экономической сферой.

Максимальное уголовное наказание за злоупотребление служебными полномочиями - от 3 до 7 лет лишения свободы, а в случае наступления особо серьезных обстоятельств от 5 до 10 лет лишения свободы.

В УК Болгарии сочетается злоупотребление, превышение власти или права, а также неисполнение служебных обязанностей и закреплено статьей 282 раздела 2 «Должностные преступления» [83, с. 67].

Абзац 1 ст. 282 болгарского УК предусматривает ответственность за нарушение либо неисполнение должностных обязанностей, либо превышение власти либо права, если оно совершается для приобретения имущественных благ для личных целей либо для третьих лиц или нанести иному лицу вред, при условии, что данными актами образуется вероятность наступления вредных последствий.

В качестве квалифицирующего признака рассматриваемого состава выступает: наступление вредных последствий, являющихся значительными, совершение деяния лицом, которое занимает ответственное должностное положение. В качестве особо квалифицирующего признака выступает наступление тяжких последствий.

Спецификой болгарского УК является также ст. 283, которая регламентирует уголовную ответственность должностного лица, которое использует должностное положение в целях противоправного приобретения в личных целях либо для третьих лиц благ имущественного характера.

Рассматриваемые составы общие и используются во всех областях работы должностных лиц. В тоже время, УК Болгарии содержит также и особые составы исходя из области их совершения. К примеру, преступления, закрепленные ст. 282 УК Болгарии, связаны с контролем за производством, переработкой, хранением, торговлей, ввозом, вывозом, транзитом и отчетностью о наркотиках и прекурсорах. [108, р. 203].

Ст. 295 УК Испании установлено, что «фактический или юридический руководитель учрежденного или образующегося объединения, который для собственной выгоды или выгоды третьих лиц, превышая свои должностные функции, мошеннически распорядится имуществом объединения либо заключит обязательства за счет объединения, прямо причиняя существенный экономический ущерб его членам, казначеям, совладельцам счета или

собственникам имущества, ценных бумаг или денег, которыми он распоряжался, наказывается тюремным заключением на срок от шести месяцев до четырех лет или штрафом в размере тройной стоимости полученной прибыли» [41, с. 48].

«Суд имеет возможность разрешить дело, не учитывая при этом юридические связи внутри самой корпорации, а лишь на основании фактических ролей, которые отведены фигурантам дела в совершенных деяниях (данный механизм дает возможность бороться с практикой, заключающейся в использовании номинальных исполнительных органов таких хозяйственных структур)» [10, с. 37].

Уголовное наказание ужесточается исходя из тяжести преступных последствий и содеявшего их лица (абзац 2 ст. 282 УК Болгарии).

Максимальное уголовное наказание исследуемые преступные деяния составляет 15 лет лишения свободы.

В государствах англосаксонской правовой системы законодательство об уголовной ответственности за должностные преступные деяния имеет собственную специфику.

Британское право не является кодифицированным, вследствие чего в качестве источника правового регулирования выступают или парламентские акты (статутное право), или прецеденты (общее право).

Перечень должностных преступных деяний в британском праве, в отличие от иных государств, достаточно узок. К ним относятся деяния, при которых наказуемость связывается с нарушением должностных взаимоотношений. Так как данное условие может быть в разнообразных областях деятельности, то и ответственность может быть регламентирована как общими законами, так и отдельными актами парламента, которые имеют отношение к определенной сфере.

В качестве субъектов должностных преступных деяний выступают публичные должностные лица. Вместе с тем, в отдельных ситуациях в

качестве субъектов могут выступать и любые служащие и любые лица, включая юридические.

В британском законодательстве данные преступные деяния соединены в группу «преступлений, совершаемых должностными лицами или связанных с их деятельностью».

В британском законодательстве под злоупотреблением властью понимается «всякое притеснение со стороны должностного лица». Данное преступное деяние предусматривается общим правом и состоит в совершении должностным лицом противоправных поступков при реализации им либо под видом исполнения служебных функций. Данное преступление состоит в безмотивных телесных повреждениях, лишении свободы и в унижении достоинства. Вместе с тем, преступное деяние не считается содеянным, когда доказано, что должностное лицо действовало справедливо, полагая, что действует таким образом в соответствии с законодательством и без умысла совершить коррупцию [81, с. 63].

За злоупотребление властью максимальный срок уголовного наказания составляет 7 лет лишения свободы.

В уголовном законодательстве США существует в наибольшей степени развернутая совокупность положений по борьбе с коррупцией.

В разделе 18 Свода законов США уголовная ответственность за рассматриваемые преступные деяния предусматривается в следующих главах: уголовная ответственность за должностные злоупотребления включена в главу 11 «Взяточничество, нечестные доходы и злоупотребление своим положением», главу 93 «Должностные лица и служащие по найму» и главу 29 «Выборы и политическая деятельность».

Разница между деяниями, включенными в разные главы, заключается в субъектах. Так, в качестве субъектов деяний, уголовная ответственность за какие устанавливается главой 11, выступают главным образом должностные лица высших органов власти и служащие правительства; в качестве субъектов деяний, уголовная ответственность за какие устанавливается

главой 93, выступают должностные лица и служащие департаментов, допускающих должностные злоупотребления с корыстным мотивом либо получают незаконные вознаграждения. Глава 29 относится лишь к злоупотреблениям в избирательной сфере.

Определения должностного лица федеральное уголовное законодательство США не имеет.

Относительно вопросов уголовной ответственности за злоупотребления должностными полномочиями на федеральном уровне также функционируют:

- законодательные акты, которые устанавливают ответственность за взяточничество и прочие служебные злоупотребления;
- законодательные акты о «конфликте интересов», которые запрещают публичным должностным лицам и их близким родственникам иметь финансовый интерес в делах, на которые могут оказать влияние решения, которые принимает данное должностное лицо.

Федеральное уголовное законодательство США не имеет и определения злоупотребления должностными полномочиями. К нему относится группа должностных преступных деяний.

Так, в качестве злоупотребления должностными полномочиями выступают ситуации, при которых, если конгрессмены либо лица, которые избраны в Конгресс, члены постоянных комиссий, госслужащие, либо наемные лица в законодательных, исполнительных, судебных органах, практикуют в Претензионном суде. Кроме того, к ответственности привлекаются и вышеперечисленные лица, если они лично или непосредственно участвуют в качестве государственных служащих в определенных делах, где они, их супруги, не достигшие совершеннолетия дети, компаньоны, учреждения, где они служат, выступают в качестве доверительных собственников или партнерами, а также предприятия, с

которыми они ведут переговоры относительно предстоящей работы, имеют финансово-экономическую заинтересованность.

К данной группе преступных деяний необходимо относить и злоупотребления со стороны чиновников, которые имеют своей целью обогащение за счет средств государства, использования спекуляции, информации.

Максимальный срок уголовного наказания за злоупотребление властью - 10 лет лишения свободы.

УК Республики Беларусь (далее - УК РБ) отдельно не выделяет как преступления против службы в коммерческих либо других организациях, так и лиц, которые уполномочены выполнять управленческие функции как коммерческих, так и в иных организациях. «Законодатель Белоруссии предпочел путь объединения в таком понятии, как «должностное лицо» государственных служащих, лиц, уполномоченных на выполнение управленческих функций в коммерческих либо других организациях, а также лиц, на которых законом возлагается выполнение функций представителя власти» [19, с. 28.]

Таким образом, зарубежное уголовное законодательство имеет существенные отличия от российского уголовного законодательства в плане регулирования уголовной ответственности должностных лиц за злоупотребление и превышение должностных полномочий, поскольку в одних государствах имеются и общие положения, которые регулируют анализируемые преступные деяния, и их виды; в других государствах общих положений не имеется совсем, а уголовное законодательство ограничивается перечислением видов данных преступных деяний.

Глава 2 Уголовно-правовая характеристика злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий в современном российском уголовном законодательстве

2.1 Объективные признаки злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий

Социальная опасность изучаемых видов преступлений заключается в следующем: последствия их состоят в том, что противозаконные деяния наносят существенный вред государственному механизму, а именно учреждениям, олицетворяющим одно из направлений власти, равно как и учреждениям, демонстрирующим муниципальную власть [96, с. 213].

Под объектом преступного деяния следует понимать «общественные отношения, которые находятся под охраной УК РФ, которым совершенное деяние наносит вред или образует угрозу нанесения вреда» [100, с. 28].

Злоупотребление и превышение должностных полномочий содержатся в разделе X «Преступления против государственной власти» главы 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

Таким образом, в качестве родового объекта данных деяний выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу осуществления государственной власти.

Видовой объект представляют общественные отношения в сфере исполнения государственной власти, законные интересы службы в государственных органах и органах местного самоуправления.

Как отмечается учеными, «в качестве интересов государственной службы выступает безупречное исполнение должностным лицом положений Конституции РФ, конституций и уставов субъектов Федерации в

соответствующей положениям иных законодательной власти, работы по обеспечению функций органов государства» [85, с. 586].

Данная точка зрения является справедливой, но «правильнее было бы говорить не о должностных лицах, а о служащих в целом, т.к. субъектами преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления являются не только должностные лица, но и служащие» [103, с. 39].

Под видовым объектом должностных преступных деяний следует понимать «нормальную работу публичного управленческого аппарата в лице законодательных, исполнительных и судебных госорганов, а также местного самоуправления, аппарата управления Вооруженных Сил, прочих войсках по реализации своих задач» [102, с. 19].

Отдельные ученые подчеркивают, что «сущность видового объекта преступного деяния как нарушение нормальной работы публичного управленческого аппарата верное, но, вместе с тем, обладает избыточной широтой, поскольку данное определение довольно абстрактно и не раскрывает в полной мере сущность нормальной деятельности органов государственной и муниципальной власти» [25, с. 4].

Н.А. Егорова полагает, что «нормальной работой следует иметь в виду организацию труда, делопроизводительный процесс, экономическое состояние предприятия и т.п., которое позволяет его сотрудникам беспрепятственно исполнять полномочия. В то же время, если под нормальной работой понимается и деятельность, соответствующая правовым положениям, то верность вышеуказанного суждения является сомнительной» [25, с. 5].

В целях аргументации такого вывода автор приводит следующий пример: «должностное лицо органа государства получает взятку за деяния, которые не нарушают закон либо распоряжается средствами государства в собственных интересах, в итоге чего предприятию наносится вред, однако это не является преградой продолжению его нормальной работы. Вследствие чего, объектом деяний, закрепленных в главе 30 УК РФ является

исполняемая в соответствии с законом деятельность в области властных правоотношений, должностных лиц и прочих лиц, которые перечислены в примечании к ст. 285 УК РФ» [25, с. 6].

Отдельные ученые указывают, что при описании объекта преступного деяния применение понятий «нормальная», «правильная», «законная» не уместно, поскольку они имеют субъективный характер. В частности, так считает Е.В. Львович, который также указывает, что «характеристика деятельности органов государственной власти должно сводиться к её легальности, т.к. именно легальность означает юридическое обоснование власти, её соответствие правовым нормам, которые в зависимости от юридической силы делятся на правовые нормы законов и подзаконных актов» [39, с. 9].

Также имеются и иные взгляды. Так, И.А. Смеловым объект анализируемых деяний определяет в качестве «управленческой функции аппарата государства, осуществляемой в работе должностных лиц в разнообразных финансовых областях, в сфере культуры, охраны общественного порядка и пр. Управление заключается в разной организационной деятельности, планировании, сборе и исследовании информации, хозяйственном руководстве, распорядительной работе, управлении имущественными ценностями. Должностными преступными деяниями нарушаются нормальная работа элементов госаппарата, учреждений и организаций» [77, с. 24].

Государственная власть как сфера осуществления определенной деятельности, равно как и государственная служба одной из основ имеют авторитет. Следовательно, должностные преступления в указанных сферах наносят вред их авторитету, а так как он является одной из их базовых основ, то это влечет негативные последствия в виде негативного отношения населения к государственным органам, государственной службе и в целом к государственной власти и осуществляемой ими деятельности.

Следовательно, авторитет государственной власти, государственных органов и органов местного самоуправления относится к родовому, видовому, непосредственному объекту злоупотребления и превышения должностных полномочий.

Отдельные ученые-правоведы рассматривают важность и приоритет государственной власти. При этом указанные ученые, выделяя авторитет государственной власти, они признают его в качестве объекта должностного преступления, тем самым видовой объект преступления, рассматривая в узком смысле, дают ему следующее определение: «общественные отношения, обеспечивающие высокий авторитет государства, позволяющий государственным и муниципальным органам эффективно реализовывать функцию управления обществом» [40, с. 16].

Выделяя первоочередность авторитета государственной власти, а, равно как и государственной службы, указанные ученые подразумевают под ним объект преступления.

Изучая правоприменительную практику, можно выделить следующее толкование объекта рассматриваемого преступления.

К примеру, в процессе рассмотрения правомерности вынесенного приговора по уголовному делу З. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 285 УК РФ, Верховным судом РФ было дано следующее разъяснение: «подрыв авторитета органов власти сам по себе не является существенным вредом и не указывает на наличие в действиях З. данного состава преступного деяния» [69].

Неверным является обобщение родового, видового и непосредственного объектов рассматриваемых преступлений или видового и непосредственного объектов, рассматривая их как один общий объект – нормальная работа органов государственного управления, государственной службы, органов местного самоуправления.

Аргументируя, вышеуказанные точки зрения, необходимо указать то, что «если к непосредственному объекту анализируемых преступных деяний

относить работу определенного госоргана, организации, местного самоуправления, воинской части, то такое подразделение объектов посягательства выглядит искусственным. Работа госоргана, организации, воинской части нарушается определенным преступным деянием, а не защищается от неопределенного круга посягательств, что является свойственным непосредственному объекту преступного деяния» [101, с. 13].

Вместе с тем, «при такой трактовке нарушается общепринятое положение о том, что указанные объекты (родовой, видовой и непосредственный) должны находиться в одной плоскости одних и тех же общественных отношений, но при этом не совпадают. Они не могут совпадать, как не могут совпадать часть целого с целым» [78, с. 181].

Правильным будет в качестве непосредственного объекта злоупотребления и превышения должностных полномочий рассматривать образованную на положениях закона и прочих правовых актах нормальную работу соответственного звена публичного управленческого аппарата в лице государственных органов, местного самоуправления, государственных либо муниципальных организаций, аппарата управления в Вооруженных Силах, прочих войсках и воинских формированиях России.

Так как ст. 285 и 286 УК РФ указывают основным признаком состава преступного деяния нарушение прав и законных интересов граждан, организаций, охраняемых законом интересов общества и государства, то данные права и законные интересы являются дополнительным объектом.

УК РФ определяет злоупотребление должностными полномочиями как использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Превышение должностных полномочий представляет собой совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его

полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Как усматривается из приведенных определений исследуемых преступных деяний, объективную сторону злоупотребления составляют следующие три обязательных признака:

- Использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы.
- Наступление последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых интересов общества или государства.
- Причинно-следственная связь между деянием и наступившим последствием.

Также объективную сторону превышения должностных полномочий образуют следующие три признака, являющихся обязательными:

- Совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий.
- Наступление последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых интересов общества или государства.
- Причинно-следственная связь между совершенным деянием и последствием.

В правовой науке доминирующим является точка зрения, в соответствии с которой «злоупотребление должностными полномочиями может совершаться в виде активных действий и посредством бездействия (если лицо преднамеренно не осуществляет своих обязанностей), а превышение должностных полномочий может совершаться исключительно посредством активных действий» [13, с. 9].

Однако существует мнение о том, что «законодательная формулировка злоупотребления должностными полномочиями путем употребления термина

«использование должностных полномочий» говорит только об активном совершении преступления» [25, с. 7].

А.М. Миньковой дается более подробная аргументация данного мнения: «в семантическом значении «использование» понимается в качестве процесса действия; по смыслу глагола несовершенного вида «использовать» обозначает «пользоваться чем-либо для собственных интересов, извлекать выгоду. В правовой теории под использованием понимается одна из форм реализации права, при которой лица по собственной воле, желанию реализуют имеющиеся у них правомочия. Использование – это совершение разрешенных правом поступков. Такой подход ограничивает злоупотребление должностными полномочиями лишь активными действиями по осуществлению лицом правовых возможностей. Об активных действиях следует вести речь и при несоблюдении определенных общими и локальными положениями запрещений и ограничений, т.е. превышении должностных полномочий. С позиции правовой теории в данном контексте следует вести речь не об использовании, а о неправомерном осуществлении (неосуществлении) правомочий» [41, с. 29].

Вместе с тем, В.В. Голубевым высказывается иная позиция: «когда должностное лицо преднамеренно не осуществляет возложенных на него обязанностей, то это уже не является злоупотреблением должностными полномочиями, а скорее, является совершением либо соучастием в совершении прочих правонарушений, в том числе преступлений» [18, с. 81].

В уголовно-правовой науке имеются и противники данной позиции.

Так, Е.В. Львович указывает, что «должностное лицо может использовать свои служебные полномочия вопреки интересам службы даже в тех случаях, когда не исполняет обязанностей по службе, поскольку выполнение обязанностей является волевым актом человека, предполагающим наличие определённых целей в сознании этого лица, которые и определяют направленность его воли, находящей своё выражение в том или ином поступке. Служебные полномочия есть не только

обязанности, но и права, напрямую связанные с обязанностями. Поэтому, автор считает, что при бездействии должностное лицо изначально использует права, связанные с его служебными обязанностями, от выполнения которых оно противоправно, вопреки интересам службы, из корыстной или иной личной заинтересованности, устраняется» [39, с. 20].

УК РФ определяет злоупотребление должностными полномочиями как «деяние», под которым следует понимать виновное (преднамеренное), опасное, активное (действие) либо пассивное (бездействие) проявление человеческого поведения во внешнем мире, причиняющее вред общественным отношениям. Полномочия должностного лица определяются его компетенцией. В уголовно-правовой науке компетенцию должностного лица определяют как «круг конкретных прав и обязанностей, которые отражают её содержание и ограничивают пределы компетенции в соответствии с занимаемой должностью или осуществляемыми функциями» [58, с. 76].

Примером бездействия в случае совершения злоупотребления должностными полномочиями является ситуация, при которой «должностными лицами не применяются необходимые меры по направлению протокола для административного производства, получив за это бездействие взятку» [31].

Следовательно, «использование должностных полномочий» может быть совершено как путем активных действий, так и путем бездействия в ситуациях, при которых в законе предусматривается право должностного лица поступать тем либо иным образом.

При изучении правоприменительной практики в части определения и квалификации рассматриваемого вида преступлений, можно сделать вывод о том, что затруднение вызывает квалификация действий должностного лица, в том случае, когда нормами действующего законодательства предписывается совершение им конкретных действий, но, не смотря на это должностное лицо их не совершает. В связи с чем ряд ученых-теоретиков предлагает при

квалификации указанного бездействия рассматривать его как превышение должностных полномочий.

А. Стренин высказывает следующую точку зрения, предлагая и обосновывая целесообразность изменения норм, содержащихся в УК РФ, путем их дополнения нормами, закрепляющими уголовную ответственность, за преднамеренное неисполнение должностным лицом должностных полномочий, в связи с чем предлагает указанную норму изложить в следующей редакции: «Умышленное неисполнение должностным лицом своих служебных полномочий либо умышленное исполнение своих служебных полномочий ненадлежащим образом, если это деяние повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства» [80, с. 56].

Если рассматривать действие или бездействие при изучении состава преступления, связанного со злоупотреблением властью в судебной практике, то можно охарактеризовать ее как неоднозначную.

Так, как установлено судом, «Н-в., являющийся оперуполномоченным судебным приговором был признан виновным в том, что им, для создания видимой раскрываемости преступлений, не было зарегистрировано сообщение о краже лошадей и не принято мер к расследованию данного преступления. Его действия суд квалифицировал по ч. 1 ст. 285 УК РФ. В обобщении судебной практики по делам рассматриваемой категории областной суд отметил, что «в силу того, что Н. преднамеренно не осуществил служебные обязанности, то не имеется оснований для утверждения об использовании им своих полномочий. Привлечение должностных лиц к ответственности за умышленное неосуществление служебных полномочий по ст. 285 УК РФ не основывается на законе. Вследствие чего, с позиции областного суда, следует ч. 1. ст. 285 УК РФ дополнить фразой: «либо умышленное не использование» должностных полномочий» [44].

Следовательно, можно констатировать, что в целях устранения проблемы, связанной с квалификацией явного бездействия должностного лица, в статью 285 УК РФ требуется внести дополнение, а именно включить умышленное неосуществление должностным лицом должностных обязанностей.

В доктрине уголовного права преимущественно применяется точка зрения сущность, которой заключается в том, что объективная сторона превышения должностных полномочий характеризуется только активными действиями. Однако в целях нормативного регулирования практики применения нормы уголовного законодательства, предусматривающей уголовную ответственность за превышение должностных полномочий, назрела необходимость в использовании таких терминов как «использование служебных полномочий» и «явный выход за пределы должностных полномочий» для характеристики объективной стороны данного преступления.

Современная уголовная доктрина содержит в себе следующую точку зрения сущность которой заключается в следующем: «уголовная ответственность должностного лица должна наступать как за нарушение полномочий, так и за использование своего должностного положения, должностного воздействия и авторитетности» [36, с. 45].

В том случае, если уголовная ответственность за нарушение должностных полномочий закреплена в специальной уголовно-правовой нормой, содеянное подлежит квалификации по этой норме без совокупности с уголовным законом, где описывается общий состав должностного деяния. Вместе с тем, в практической деятельности применение этого правила порождает отдельные сложности.

Поэтому является не правильной точка зрения Первомайского районного суда г. Нижнего Новгорода по следующему делу: «органами предварительного следствия работники полиции Б. и Д. обвинялись и признаны виновными в том, что они, находясь на дежурстве в качестве

группы задержания, договорились из корыстных побуждений напасть на граждан С., Р., В. Для этого они с применением физической силы вывели троих граждан из автобуса и, обнаружив у одного из них деньги, забрали их. Преступные действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 285 УК РФ» [2].

Однако ни на предварительном следствии, ни судом не было учтено, что в отношении граждан совершены такие действия, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать, поэтому квалифицировать преступные деяния, необходимо по ч. 1 ст. 286 УК РФ.

Подобная ошибка была допущена Миллеровским районным судом по делу В., который был осужден по ч. 1 ст. 285 УК РФ: «оперуполномоченный РОВД В., для раскрытия хищения составил на потерпевшего К. ложный протокол об административном правонарушении, в соответствии с которым К. безосновательно пребывал в камере для административно задержанных граждан и тем был лишен возможности передвижения в пространстве по своему желанию» [3].

Уголовно-правовая характеристика деяния в рассматриваемом составе преступления исходит из определения круга полномочий конкретного должностного лица. В соответствии с положениями Пленума №19 выделяются четыре группы действий, образующих явный выход должностного лица за пределы его полномочий:

- действия, которые относятся к полномочиям другого должностного лица;
- действия, которые могли быть совершены самим должностным лицом только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте;
- действия, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать;
- совершение действий единолично, если они могли быть совершены лишь коллегиально. Предпосылкой наличия любого из этих обстоятельств является установление служебной компетенции

должностного лица, за рамки которой он не может выйти при нахождении его в «официальном» статусе.

Так, «действия Д.П. судом квалифицированы по п. «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ как получение должностным лицом через посредника взятки в виде денег за незаконные действия в пользу взяткодателя, которым он в силу должностного положения мог способствовать, в крупном размере, и по ч. 1 ст. 286 УК РФ как превышение должностных полномочий. Из материалов дела было установлено, что он незаконно запретил следователю Ч. проводить дальнейшие следственные действия, связанные с приобретением В. ООО, организовал откомандирование следователя Н., принял меры к побуждению следователя Э. принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении В. по факту приобретения ООО, что не позволило органам предварительного следствия привлечь указанное лицо к уголовной ответственности» [32].

Кроме того, в правовой науке имеется и позиция, в соответствии с которой «превышение должностных полномочий может быть также совершено и в виде бездействия, поскольку существенные неясности в этом вопросе ведут к сложностям в квалификации умышленного невыполнения должностным лицом своих обязанностей» [10, с. 37].

Так, имеет место проблема при квалификации превышения должностных полномочий, которое совершено в результате бездействия, при отсутствии у виновного корыстного мотива либо другого личного интереса.

Как правильно указывается П.С. Яни, иногда правоприменитель не может доказать корыстный либо другой личный интерес виновного; если отталкиваться от того, что совершается деяние посредством бездействия, то выходит, что содеянное не влечет ответственности ни по ст. 285 УК РФ (так как не имеется установленной ст. 285 УК РФ мотив), ни по ст. 286 УК РФ (так как ст. 286 УК РФ за бездействие уголовная ответственность не установлена) [104, с. 11].

Так, приговором суда первой инстанции оперуполномоченный отдела уголовного розыска отдела полиции И. признан виновным в злоупотреблении должностными полномочиями (ч. 1 ст. 285 УК РФ), при следующих обстоятельствах: И., находясь при исполнении своих служебных обязанностей, являясь дежурным сотрудником уголовного розыска в составе следственно-оперативной группы отдела полиции, получил от гражданки К. сообщение о совершенной краже ее сумки, с находящимися в ней заграничным паспортом и денежными средствами.

И., узнав от К. о совершенном хищении, используя в иных личных интересах служебное положение, действуя вопреки интересам службы, в нарушение положений Федеральных Законов РФ «О полиции» и «Об оперативно-розыскной деятельности» и должностного регламента, с целью сокрытия от учета совершенного хищения денежных средств К., искусственно создавая основания для отказа в возбуждении уголовного дела по факту кражи имущества потерпевшей, не желая выезжать на место преступления и принимать меры к раскрытию преступления, документированию обстоятельств его совершения, обеспечению сохранности следов преступления, стремясь улучшить статистические показатели раскрываемости преступлений отдела полиции, в ходе разговора с К. убедил её дать объяснения об обстоятельствах происшествия без указания факта наличия в похищенной у неё сумке, денежных средств, на что она согласилась. В связи с чем, по результатам проведенной проверки 03 февраля 2015 года участковым уполномоченным полиции отдела полиции М. в возбуждении уголовного дела по факту хищения имущества К. было отказано на основании п. 1 ч.1 ст. 24 УПК РФ, в связи с отсутствием события преступления, что повлекло сокрытие преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ от государственной системы учета преступлений. В определении суд первой инстанции отметил, что умышленные действия И. повлекли существенное нарушение прав и законных интересов К., охраняемых законом интересов общества и государства, закрепленных и

гарантированных Конституцией РФ и законодательными актами Российской Федерации, а именно, ст.ст. 17, 18, 52 Конституции РФ, п.1 ч.1 ст. 6 УПК РФ, ст. 2 УК РФ.

Вместе тем, апелляционным приговором Верховного Суда Республики Карелия приговор суда первой инстанции отменен, а И. оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ, на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ, в связи с отсутствием состава преступления в деянии подсудимого. В приговоре суда апелляционной инстанции разъяснено, что деяние И. свидетельствует о некачественном исполнении им своих служебных обязанностей, влекущим ответственность в дисциплинарном порядке, но не свидетельствуют о наличии в его действиях состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ - использовании своих служебных полномочий вопреки интересам службы из иной личной заинтересованности, повлекшим существенное нарушение прав и законных интересов граждан и охраняемых законом интересов общества и государства [29].

Рассмотренный выше пример из судебной практики представляет собой пример превышения служебных полномочий, объективная сторона которого характеризуется бездействием. Это объясняется тем, что сотрудник полиции не просто вышел за рамки своих полномочий, но и посредством бездействия нарушил права и интересы потерпевшего, охраняемые общественные и государственные интересы, закрепленные конституционными нормами и законодательными актами Российской Федерации, а также подрывает авторитет органа исполнительной власти.

А.А. Борзов подчеркивает, что «преступное бездействие имеет место в тех случаях, когда совершение данных действий является служебной обязанностью должностных лиц» [11, с. 293].

Греков К.А. пишет: «одним из видов превышения должностных полномочий является нарушение процедурной формы реализации, которая

может выражаться и в невыполнении возложенной на должностное лицо обязанности» [19, с. 54].

Как справедливо отмечается В.Н. Борковым, «следует закрепить ответственность за уклонение от исполнения должностных обязанностей, выразившееся в значительном нарушении прав и интересов физических или юридических лиц или общественных или государственных интересов» [14, с. 76].

Таким образом, было бы целесообразно дополнить статью 286 УК РФ также такой разновидностью, как умышленное неисполнение лицом своих должностных полномочий.

В целях признания в действиях виновного злоупотребления либо превышения должностных полномочий следует определить, какими именно правами он злоупотребил или какие именно обязанности им были нарушены. При этом, виновный должен иметь полномочия именно в отношении потерпевшего гражданина либо юридического лица, права каких были существенно нарушены вследствие действий виновного.

Так, обоснованным является судебный приговор, по которому О., являющийся работником налоговой инспекции оправдан по ч. 1 ст. 285 УК РФ по причине отсутствия состава преступления.

О. обратился к В., работавшему на станции технического обслуживания, чтобы тот покрасил его машину.

После осмотра автомобиля В. ответил О., что он со своим напарником К. выполнит работу за 18000 руб. исходя из прейскурант цен, на что О. согласился и передал В. 6000 руб. для приобретения материалов. Через три дня после выполнения работ В. предложил О. оплатить стоимость работ. Тот попросил выписать наряд-заказ, в котором указать большую сумму, чем требовалось за ремонт, объясняя, что этот документ он предоставит в суд, где находится его исковое заявление, к лицу, виновному в аварии. Получив отказ, О. передал В. 9000 руб. и обещал оставшуюся сумму отдать позднее. На следующий день О. сказал руководителю предприятия, где работали В. и

К., что они свою работу исполнили некачественно, вследствие чего должны быть уволены.

В свою очередь, руководитель предприятия предложил В. урегулировать конфликт с О. Когда В. и К. пришли к О., он поставил перед ними условие о том, что чтобы сохранить работу, В. должен ему отдать 1000 долларов США, а К. - 2000.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор оставила без изменения, а протест прокурора без удовлетворения, указав следующее: «Статья 285 УК РФ предусматривает ответственность за злоупотребление именно должностными полномочиями, а не за злоупотребление служебным положением, которое занимает должностное лицо в соответствующем государственном органе, органе местного самоуправления, государственных или муниципальных учреждениях».

Поэтому, судом О. справедливо был оправдан, поскольку в соответствии с нарядом-заказом между О. и станцией технического обслуживания были гражданские правоотношения, регламентированные гражданским законодательством [49].

Использование должностным лицом служебных правомочий должно быть совершено вопреки интересам службы.

Совершение преступного деяния вопреки интересам службы представляет собой деяние, которое не вызвано служебной надобностью. Причем служебные интересы, вопреки которым лицо использует должностные правомочия, определяются как потребностями работы определенного госоргана либо местного самоуправления, государственной либо муниципальной организации, воинского формирования, но и интересами деятельности публичного аппарата в целом [78, с. 181].

Злоупотребление и превышение должностных полномочий являются материальными составами. То есть, в качестве обязательного признака данных составов выступают: наступление общественно-опасных последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или

организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, а также причинно-следственная связь между преступным деянием и наступившим преступным последствием.

В целях установления опасного последствия следует установить, прежде всего, какие именно права были нарушены, а также являются ли нарушения прав физических и юридических лиц, общественных и государственных интересов существенными.

«Существенное» нарушение прав представляет собой оценочное понятие. От оценки наступившего общественно опасного последствия как «существенного» либо «не существенного» нарушения прав находится в зависимости признание либо не признание в действиях виновного состава преступления.

Так, Б. привлечен к ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 УК РФ.

Судом установлено, что Б. состоял в должности заведующего хирургическим отделением больницы. Зная о том, что плата за лечение пациентов в хирургическом отделении осуществляется в соответствии с медицинскими полисами страховой компанией, подсудимый у пациентов требовал деньги за проведенные хирургические операции, которые в дальнейшем тратил на «обустройство отделения и покупку необходимых лекарственных средств для отделения».

Суд отметил, что вследствие злоупотребления должностными полномочиями, Б. «существенно нарушил права и законные интересы потерпевшей, имеющей право на бесплатное получение медицинских услуг, а также права и законные интересы организации, в части осуществления своей деятельности, подрыве им как должностным лицом перед общественностью авторитета муниципальных органов и учреждений, так как действовал вопреки интересам службы, целям и задачам общества и государства» [1].

Несмотря на то, что оценка «существенности» нарушения прав при квалификации должностного злоупотребления носит субъективный характер, она не может не зависеть от внутреннего убеждения правоприменителя, основывается на объективных критериях, содержащихся в судебном толковании применения анализируемых уголовно-правовых норм. К таким последствиям судебная практика относит, например, незаконное ограничение или лишение свободы, административное и иное преследование лица, не основанное на законе, вмешательство в предпринимательскую деятельность при отсутствии поводов и оснований для проведения проверок и т.п. Как существенное нарушение интересов общества и государства при злоупотреблении (превышении) нужно рассматривать укрывательство преступлений от учета, необоснованное вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и т.д. Если в результате злоупотребления должностными полномочиями или при их превышении наступают тяжкие последствия, то это является особо квалифицирующим обстоятельством, предусмотренным ч. 3 ст. 285 или ч. 3 ст. 286 УК РФ [42, с. 97].

Используемое в УК РФ понятие «существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства», как и любое оценочное понятие, наполняется содержанием в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела. Существенность последствий должна определяться индивидуально по каждому уголовному делу.

Верховный Суд РФ уточнил, что под существенным нарушением прав граждан или организаций в результате злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий следует понимать нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации (например, права на уважение чести и достоинства личности, личной и семейной жизни граждан, права на неприкосновенность жилища и тайну переписки, телефонных переговоров,

почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также права на судебную защиту и доступ к правосудию, в том числе права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и компенсацию ущерба, причиненного преступлением, и др.). При оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п. [67].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» имеются разъяснения, но не указаны суммы причиненного «существенного вреда».

Было бы целесообразно внести новый пункт 4.1. в примечания к ст. 285 УК РФ:

«Существенным нарушением прав и законных интересов граждан, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ, если данные последствия выразились в причинении имущественного ущерба гражданину, следует признавать ущерб, сумма которого превышает десять тысяч рублей.

Существенным нарушением прав и законных интересов организаций, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ, если данные последствия выразились в причинении имущественного ущерба, следует признавать ущерб, сумма которого превышает сто тысяч рублей».

В качестве одного из существенных признаков злоупотребления и превышения должностных полномочий выступает причинная связь между преступным деянием и наступившими опасными последствиями.

При установлении причинной связи должен быть установлен факт того, что наступившие общественно опасные последствия порождены данным преступлением, а не действиями третьих лиц либо каких-нибудь внешних сил.

Что касается неисполнения должностным лицом его должностных обязанностей, то следует признать верным позицию о том, что «при установлении причинной связи между наступившим последствием и бездействием должностного лица необходимо доказать обязанность действовать данное лицо, что надлежащее выполнение им своих обязанностей исключило бы наступление преступных последствий. Если эти обстоятельства доказаны не будут, то, следовательно, бездействие должностного лица причинно не связаны с последствием» [46, 36 с.].

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Объектом злоупотребления и превышения должностных полномочий являются те общественные отношения, которые возникают в связи с осуществлением и реализацией государственной власти, полномочиями государственной службы, местного самоуправления.

Кроме того, можно выделить непосредственный объект, которым является базирующаяся на нормах закона нормальная деятельность, проявляющаяся в государственно-властных правоотношениях, соответственного института публичного управленческого аппарата в лице органов государства, местного самоуправления, государственных либо муниципальных учреждений, а также аппарата управления в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях РФ.

Злоупотребление и превышение должностных полномочий представляют собой многообъектные преступные деяния, которые посягают и на основной объект, и на дополнительные, круг которых достаточно обширен. Исходя из обстоятельств совершенного преступного деяния, таковыми могут являться фактически любые охраняемые уголовным законом права физических и юридических лиц, общественные или государственные интересы имущественного и неимущественного характера.

Объективная сторона злоупотребления должностными полномочиями характеризуется использованием должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние повлекло

существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых интересов общества или государства. А объективная сторона превышения должностных полномочий характеризуется действием, явно выходящим за пределы его должностных полномочий.

Основное отличие объективной стороны злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий состоит в том, что при злоупотреблении должностными полномочиями должностное лицо использует предоставленные ему законом или иным нормативно-правовым актом должностные полномочия вопреки интересам службы, и при этом не выходит за их пределы. При превышении должностных полномочий должностное лицо совершает действия, явно выходящие за пределы его полномочий. Кроме того, обязательным признаком субъективной стороны злоупотребления должностных полномочий является корыстная или иная личная заинтересованность, в составе превышения должностных полномочий они отсутствуют в качестве обязательных признаков.

2.2 Субъективные признаки злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий

Субъективный аспект рассматриваемых преступлений проявляется в особом психоэмоциональном состоянии субъекта относительно социально негативных последствий и опасных деяний, стимулами, целевыми установками, при помощи которых злоумышленник реализует преступный замысел [96, с. 214].

Спецификой должностного злоупотребления и превышения выступает то, что данные преступления могут совершаться специальным субъектом - должностным лицом. Кроме общих признаков субъекта - достижения возраста уголовной ответственности (для рассматриваемых деяний - 16 лет), и вменяемости (ст. 19-21 УК РФ), в примечании 1 к ст. 285 УК РФ

определены также и дополнительные признаки, необходимые для признания лица в качестве специального субъекта анализируемых деяний, то есть должностным лицом.

Итак, в субъекты должностных преступлений должны соответствовать как общим условиям привлечения к уголовной ответственности (ст. 19 УК РФ), так и иметь признаки должностного лица (прим. 1 к ст. 285 УК РФ) как специального субъекта.

Так по делу было установлено, что Д. (заведующая общежитием) выполняла роль пособника в получении взяток Л. (глава администрации городского поселения) и действовала в его интересах, получая вознаграждение из полученных сумм. Согласно трудовому договору и должностной инструкции, заведующий общежитием муниципального унитарного предприятия ЖКХ относится к техническим исполнителям на соответствующем участке деятельности и находится в подчинении директора предприятия и начальника ЖЭУ. Суд обоснованно не признал Д. в качестве субъекта должностного преступления в смысле п. 1 примечания к ст. 285 УК РФ и квалифицировал ее действия по ч. 5 ст. 33 и ч. 3 ст. 290 УК РФ [27].

Согласно примечанию 1 к ст. 285 УК РФ, должностными лицами в статьях настоящей главы признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит РФ, субъектам РФ или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях РФ.

Таким образом, при установлении признаков должностного лица судам следует исходить из того, что в соответствии с пунктом 1 примечаний к

статье 285 УК РФ должностными признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Понятия организационно-распорядительных, административно-хозяйственных функций, осуществляемых должностными лицами, содержатся в п.4 и п.5 Постановления №19 от 16.10.2009 г.

К исполняющим функции представителя власти следует относить лиц, наделенных правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти, а также, исходя из содержания примечания к статье 318 УК РФ, иных лиц правоохранительных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности.

Также следует сказать, что «должностное лицо, которое при совершении преступления использует не должностные полномочия, а только должностное положение, включающее в себя должностной авторитет и должностные связи, не имеющие отношения к его должностным полномочиям, не совершает должностного преступного деяния, за исключением тех преступлений, которые предусмотрены ч. 3 ст. 140, 290 УК РФ. Данное обстоятельство является только усиливающим наказанием по п.п. «м», «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ» [38, с. 49].

В правовой науке выделяют признаки, присущие для должностных лиц [97 с. 76]. Во-первых, - это управление. Все должностные лица осуществляют функции управления, вследствие чего их деятельность вопреки служебным интересам может привести к большим отрицательным последствиям. Во-вторых, - самостоятельность должностного лица, то есть, принятие решения от собственного имени. С данным признаком связан факт того, что делегирование части полномочий другому лицу (в целях реализации решения должностного лица) не обозначает делегирование самого правового статуса должностного лица. В-третьих, - непосредственное воздействие на правовые отношения. Должностное лицо посредством вынесения решения в пределах своих полномочий создает новые правовые отношения или изменяет либо прекращает правоотношения, возникшие ранее. По своей юридической природе вынесенное решение должностного лица представляет собой юридический факт. В качестве примера, выделяющих субъектов по данному признаку, следует привести нотариуса, нотариально удостоверяющего сделки, в целях придания им гражданско-правовой формы [54].

Существенным признаком, указанным в примечании 1 к ст.285 УК РФ, является характер исполнения полномочий должностного лица. По порядку предоставления все должностные полномочия делятся на: постоянные, временные, по специальному полномочию, которые могут вытекать из Конституции РФ, закона, подзаконного акта, должностного регламента.

Уголовный закон содержит в себе достаточно четкое определение должностного лица в отличие от его трактовки, которая содержится в доктрине уголовного права. В связи с чем признаки идентифицирующие должностное лицо имеют разностороннее толкование, что требует их дополнительного изучения как со стороны закона, так и исходя из теории уголовного права. Причина неоднозначности признаков должностного лица заключается в том, что их значение содержится в многочисленных нормативных правовых актах.

Можно выделить следующие общие признаки, которые используются в законе, при определении должностного лица:

- Функциональный признак – отражает совокупность функций, осуществляемых лицом в процессе его деятельности по определенной должности.
- Локальный признак – описывает правовой статус лица относительно занимаемой должности в конкретном органе.

Понятие представителя власти для всех статьей Уголовного кодекса РФ, определяется в примечании к ст. 318 УК РФ: «Представителем власти признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости».

Представителем власти является должностное лицо, а должностное лицо - это лицо, осуществляющее функции представителя власти.

В целях определения того, выступает ли лицо в качестве представителя власти, следует обратиться к нормам соответствующих законодательных актов, которые регламентируют функциональную компетенцию лица. В некоторых случаях данные работники именуются представителями власти в самих законодательных актах.

Так, в п. 4 ст. 19 ФЗ «О государственной охране» указывается, что «сотрудники федеральных органов государственной охраны при исполнении ими служебных обязанностей являются представителями власти и находятся под защитой государства. Законные требования сотрудников федеральных органов государственной охраны обязательны для исполнения гражданами и должностными лицами» [91].

Указанный вывод следует из нормативного определения полномочий, предоставляемых конкретному сотруднику или органу, в котором данный сотрудник выполняет трудовую функцию.

Предел осуществления полномочий тем или иным должностным лицом определяется нормативно и основан на нормативно закреплённом объёме решаемых задач сотрудником, в частности, а также государственным или муниципальным органом, в общем.

Организационно-распорядительные функции включают в себя, например, руководство коллективом, расстановку и подбор кадров, организацию труда или службы подчиненных, поддержание дисциплины, применение мер поощрения и наложения дисциплинарных взысканий.

К административно-хозяйственным функциям могут быть, в частности, отнесены полномочия по управлению и распоряжению имуществом и денежными средствами, находящимися на балансе и банковских счетах организаций и учреждений, воинских частей: принятие решений о начислении заработной платы, премий, осуществление контроля за движением материальных ценностей, определение порядка их хранения и т.д.

Для определения конкретного лица как должностного не требуется соотношение его деятельности со всеми группами функций (организационно-распорядительными, административно-хозяйственными), достаточно установить группы правомочий, характеризующих одну из указанных функций.

Функции представителя власти, организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции могут выполняться должностным лицом постоянно, временно или по специальному полномочию. Следовательно, осуществление определенной функции определяется на момент совершения преступления.

Локальный признак, характеризующий должностное лицо, подразумевает, его отнесение к определенному органу государственной власти различных уровней.

В науке имеются некоторые возражения относительно отнесения к должностным лицам работников государственных и муниципальных учреждений.

Так, с позиции Г. Минх, «не могут быть признаны правильными попытки обосновать правомерность передачи властных полномочий иным субъектам права (кроме государственных органов, органов местного самоуправления и непосредственно народа), например, государственным и муниципальным учреждениям. Обосновывая свою позицию, автор ссылается на положения Конституции РФ и в частности указывает, что в Конституции РФ указан исчерпывающий перечень органов государственной власти, которые вправе принимать государственно властные решения (осуществлять государственную власть) на федеральном уровне и на уровне субъектов Федерации. Публично-правовую природу имеют также властные полномочия, осуществляемые органами местного самоуправления, но они не относятся к государственным отношениям, т.к. они не входят в систему государственных органов власти. Возможность осуществления властных полномочий публично-правового характера иными субъектами права Конституцией не предусмотрено» [43, с. 34].

Как указывает Г. Минх, «прямо подтверждается примечанием 1 к ст. 201 УК РФ, в котором лицо, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности, признается лицом, выполняющим управленческие функции. Таким образом, лица, выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных или муниципальных учреждениях, не могут заниматься реализацией властных полномочий публично-правового характера, следовательно, не могут быть отнесены к государственным или муниципальным служащим» [43, с. 36].

Исходя из вышеуказанной точки зрения, следует, что главным отличающим критерием будет являться непосредственно правовой статус присущий конкретному органу или учреждению государственной власти разного уровня. При этом важным является то, что в правовой статус указанных органов и учреждений должны быть включено выполнение

функций в области реализации властных полномочий, носящих публично-правовой характер.

В науке также спорным является вопрос относительно возможности включения в перечень субъектов должностных преступных деяний лиц, являющихся материально-ответственными

Так, одними правоведами данный вопрос решается положительно, в соответствии с чем, к должностным лицам относятся бухгалтера, кладовщики, кассиры и т.д., считая распоряжение материальными ценностями, их учет и контроль административно-хозяйственной функцией [56, с. 40].

Другие правоведаы полагают, что материальная ответственность не равнозначна административно-хозяйственным функциям, и возложение данной ответственности не превращает работника в должностное лицо [80, с. 55].

Спецификой правоотношений с материально-ответственными лицами выступает заключение с ними договора об имущественной ответственности за факт недостачи товарно-материальных ценностей, которые были переданы работнику под ответственность.

Следовательно, материальная ответственность работника выступает только как следствие невыполнения им своих обязанностей и является недостаточной для отнесения данного работника к категории должностных лиц.

Когда одновременно с техническими функциями лицо, являющееся материально ответственным, наделяется и полномочиями по ответственному распоряжению имуществом, контролем за совершением отдельных операций, то есть правомочием самостоятельно указывать, кому и в каком количестве выдавать конкретное имущество либо принимать его, только тогда можно вести речь о наделении его административно-хозяйственными полномочиями должностного лица.

Также дискуссионным вопросом в определении должностного лица является отнесение к числу должностных преподавателей государственных и муниципальных учебных заведений.

В науке уголовного права существует мнение, с которым следует согласиться, что функция преподавателя государственного высшего либо среднеспециального учебного заведения по приему экзаменов и зачётов является должностной (организационно-распорядительный), так как оценивание (зачет, незачет) знаний обучающегося, порождает изменения в его правовом статусе, т.е. наступление правовых последствий, выступающих сущностью организационно-распорядительных функций должностного лица [17, с. 3].

Медицинские работники, которые служат в государственных и муниципальных учреждениях, одновременно с осуществлением профессиональных функций могут совершать действия, которые имеют организационно-распорядительный либо административно-хозяйственный характер (выдача больничного листка, установление группы инвалидности, установлении годности (негодности) к службе в вооруженных силах, и т.д.), то есть выступают как должностные лица.

Так, К. признан должностным лицом и привлечен к уголовной ответственности за то, что он, работая врачом больницы, в обязанности которого входит выдача больничных листов, исходя из корыстных побуждений, по заблаговременно достигнутой договоренности с З., на его имя выписал подложный больничный листок [4].

В качестве квалифицирующего признака злоупотребления и превышения должностных полномочий является совершение преступного деяния лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления.

Согласно примечаниям 2, 3 к ст. 285 УК РФ, под лицами, занимающими государственные должности РФ, в статьях настоящей главы и

других статьях УК РФ понимаются лица, занимающие должности, устанавливаемые Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов. Под лицами, занимающими государственные должности субъектов РФ, в статьях настоящей главы и других статьях УК РФ понимаются лица, занимающие должности, устанавливаемые конституциями или уставами субъектов РФ для непосредственного исполнения полномочий государственных органов.

Большое значение для квалификации должностных злоупотреблений и превышений имеет субъективная сторона преступного деяния, которая представляет собой внутреннюю психологическую характеристику поведения виновного лица, состоящую в его психическом отношении к содеянному в целом и к его отдельным элементам объективного характера в частности.

Субъективная сторона преступления включает ряд следующих элементов: вина, мотив, цель, эмоциональное состояние в момент совершения преступного деяния.

Статья 27 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за преступление, совершенное с двумя формами вины, и определяет, что: «если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое преступление признается совершенным умышленно».

Следует согласиться с правоведами, указывающими, что в данном случае речь ведется в составах умышленных деяний, где объективной стороной предполагается наступление одновременно с прямыми последствиями (последствиями первого порядка) также и производных, в наибольшей степени тяжких последствий (последствий второго порядка), которые не охватываются умыслом виновного лица. То есть, законодатель «как бы объединяет в одном составе, т.е. юридически объединяет два самостоятельных преступления, одно из которых является умышленным, а другое неосторожным, причем оба могут существовать самостоятельно, но в сочетании одно с другим образуют качественно иное преступление со специфическим субъективным содержанием» [59, с. 87].

Таким образом, злоупотребление и превышение должностных полномочий представляют собой преступления, которые совершаются с умышленной формой вины.

В правовой науке вопрос о виде умысла является дискуссионным. Так, одними правоведами указывается, что в данном случае может быть только прямой умысел [29, с. 23].

Другими правоведами отмечается и возможность совершения должностного злоупотребления и превышения посредством косвенного умысла [65, с. 46].

Вопрос относительно определения вида умысла в случае должностного злоупотребления и превышения объясняется тем, что в отношении преступных последствий прямой либо косвенный умысел нередко неконкретизирован, и проявляется в том, что виновное лицо может предвидеть наступление опасных последствий только в общих чертах, но желает либо допускает наступление любых последствий.

Итак, умысел при злоупотреблении и превышении должностных полномочий может быть как прямым, так и косвенным.

При осуществлении рассматриваемого типа преступлений, составными компонентами обоих видов умысла являются интеллект, а также волевая направленность.

Интеллект отображает восприятие возможного риска, опасности выполняемых деяний конкретным лицом – злоумышленником, препятствующих законным целям функционирования, возможность предугадать различные последствия от совершаемого злодеяния. Осознанным отношением можно считать восприятие злоумышленником сущности активных деяний или противозаконного бездействия, продолжительности осуществления, внешнего и внутреннего окружения, прочих факторов, равно как и предвидение возможных негативных последствий в результате нарушения законных прав, свобод физических и юридических лиц, а также интересов государства.

Суть интеллекта проявляется практически идентично как при опосредованном (прямом), так и опосредованном (косвенном) умыслах. В том случае, когда рассматривается непосредственный умысел субъект предусматривает нарушение конституционно утвержденных прав, свобод, интересов как физических, так и юридических лиц, при этом негативное последствие практически всегда считается фактором, проявляющимся неизбежно, при опосредованном умысле наступление ущерба допускается и имеет различную степень вероятности.

Воля злоумышленника проявляется как особое психоэмоциональное восприятие злоумышленника относительно социально опасных последствий, проявляющихся при нарушении законных прав, интересов и свобод физических и юридических лиц, а также государства, при этом волевой аспект проявляется как стремление выполнить конкретные действия или же попустительство к их совершению посредством преступного бездействия [96, с. 214].

Умысел при должностном злоупотреблении и превышении проявляется в следующем.

В случае должностного злоупотребления виновным осознается общественная опасность содеянного, то есть, то, что лицо действует вопреки интересам службы с использованием своих служебных полномочий, итогом чего может быть наступление последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства, желает или сознательно допускает последствия либо относится к их наступлению безразлично.

Превышение должностных полномочий проявляется в том, что лицом сознается, что оно совершает действия, которые явно для него самого выходят за пределы имеющихся у него полномочий, предвидит последствия в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства, желает или сознательно допускает последствия либо относится к их наступлению безразлично.

В то же время, если при злоупотреблении либо превышении потерпевший лишается жизни либо наносится тяжкий вред его здоровью, то уголовная ответственность наступает по совокупности ч. 3 ст. 285 УК РФ и ст. 105 УК РФ (или 111 УК РФ).

В целях признания злоупотребления должностными полномочиями как преступного деяния, необходима корыстная либо иная личная заинтересованность субъекта преступления, то есть мотив выступает здесь в качестве обязательного признака состава.

Итак, при решении вопроса о наличии в действиях (бездействии) подсудимого состава преступления, предусмотренного статьей 285 УК РФ, под признаками субъективной стороны данного преступления, кроме умысла, следует понимать:

- корыстную заинтересованность - стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу

или пользу других лиц (например, незаконное получение льгот, кредита, освобождение от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т.п.). Не редки случаи, когда злоупотребление должностными полномочиями обусловлено получением взятки, в чем, собственно, и проявляется корыстная заинтересованность.

Корыстная заинтересованность представляет собой заинтересованность виновного лица в удовлетворении своих материальных потребностей, которая выражается в склонности получить какую-либо имущественно-материальную ценность (деньги, имущество и т.д.), или в стремлении освободиться от материальных расходов (оплаты долга, возвращение имущества и т.д.);

- иную личную заинтересованность - стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т.п. [67].

«Как пример корысти для должностного лица, которое злоупотребляет своими полномочиями, можно назвать возможное уклонение от обязательных платежей или незаконное обращение имущества в пользу аффилированных лиц или для себя, а также незаконное создание условий для получения любого рода привилегий» [67].

В случае совершения превышения должностных полномочий мотивы и цели могут быть любыми и не имеют значения для квалификации, хотя должны учитываться при назначении наказания.

Вместе с тем, определение мотив необходимо в каждом конкретном случае совершения преступного деяния, поскольку только изучив подлинное желание субъекта преступления, можно уяснить его фактическое отношение

к содеянному и возможным последствиям содеянного, то есть, определить его действительную вину, не нарушая принципа субъективного вменения.

В правовой науке имеет место дискуссия относительно содержания признака «явности» в составе превышения должностных полномочий.

Правоведы признак «явности» выхода за пределы полномочий относят к характеристике деяния, то есть к объективной стороне преступного деяния. Приверженцы данной позиции отталкиваются от грамматической трактовки рассматриваемого термина: явный – то есть открытый, безусловный, очевидный, для всех ясный [25, с. 12].

В отдельных ситуациях факт выхода за пределы полномочий несомненен для всех. Вместе с тем, имеют место ситуации, при которых виновный выходит за пределы полномочий, которые предоставляются ему специальными законодательными актами, подзаконными правовыми актами, локальными актами, уставами, положениями и т.д., вследствие чего, не известных наибольшему количеству граждан, а если и известных, то приблизительно.

Таким образом, при решении вопроса относительно «явности» выхода за пределы должностных полномочий следует, прежде всего, исходить из юридической регламентации данных полномочий и соответствия совершенных виновным действий границами полномочий, которые предоставлены ему законом. Также следует принимать во внимание, что оценка собственных действий виновным осуществляется на основе содержания известных ему правовых актов, регулирующих его полномочия. Выход виновного за пределы своих полномочий по причине отсутствия четкого представления о данных пределах не составляет умышленного превышения должностных полномочий.

Таким образом, признак «явного» выхода виновным за границы своих полномочий является субъективно-объективным. С одной стороны, явный выход за пределы полномочий должен быть ясным и очевидным, хотя бы не

для всех, а для определенного круга лиц, а с другой стороны, данный явный выход должен пониматься самим виновным лицом.

Также субъективно-объективным является и признак «использование полномочий».

Содеянное должно объективно противоречить законным интересам организаций (в данном случае законным служебным интересам) и виновное лицо должно понимать наличие данного противоречия, что обозначает, что виновное лицо использует свои полномочия не по назначению, а для извлечения своей выгоды.

«Обращает на себя внимание то, что криминообразующие признаки объективной стороны существенное нарушение прав и законных интересов и тяжкие последствия, с наступлением которых рассматриваемое преступление признается оконченным, не имеют точного юридического определения, то есть относятся к разновидности оценочных признаков состава преступления. Это порождает серьезные проблемы в правоприменительной деятельности, поскольку судам при рассмотрении соответствующих уголовных дел остается ориентироваться только на результаты сложившейся судебной практики, хотя судебный прецедент официально не признается источником права» [69, с. 47].

Таким образом, рассмотрев субъективные признаки злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий, можно сделать вывод, что нормы УК РФ содержат конкретное определение должностного лица исходя из функциональных и локальных признаков. Функциональные признаки включают основные функции, которые должен исполнять виновный. Локальные признаки указывают на правовой статус органов либо учреждений, где виновный осуществляет деятельность. Законодательно установленной областью, где может быть реализация должностных полномочий являются государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения. Вместе с тем, государственные либо муниципальные служащие могут

выполнять функции должностного лица от имени государства либо муниципального образования в коммерческих либо других некоммерческих организациях. В данных организациях они несут уголовную ответственность в качестве государственных должностных лиц. Злоупотребление и превышение должностных полномочий (ст. 285, 286 УК РФ) могут совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом. По смысловому содержанию признак «явного» выхода за пределы полномочий в составе превышения должностных полномочий необходимо рассматривать в качестве субъективно-объективного.

Глава 3 Проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий

3.1 Проблемы вменения квалифицированных видов злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий

Дифференциация уголовной ответственности в ст. 285, 286 УК РФ проведена посредством введения квалифицирующего (ч. 2), и особо квалифицирующих признаков (ч. 3).

К квалифицирующим признакам рассматриваемых составов относятся совершение тех же деяний лицом, занимающим государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, а равно главой органа местного самоуправления (ч. 2 ст. 285, 286 УК РФ), или совершенные с применением насилия или с угрозой его применения (п. «а», ч. 3 ст. 286 УК РФ), либо с применением оружия или специальных средств (п. «б», ч. 3 ст. 286 УК РФ), либо повлекшие причинение тяжких последствий (ч. 3 ст. 285 УК РФ, п. «в», ч. 3 ст. 286 УК РФ).

Превышение должностных полномочий, которое совершено лицами, отмеченными в ч. 2 ст. 285 УК РФ и ч. 2 ст. 286 УК РФ, образует квалифицированный состав, который влечет наиболее жесткое уголовное наказание. Данные лица обладают довольно обширным перечнем властных полномочий, что облегчает совершение ими преступного деяния, и, кроме того, совершение преступления данными лицами наиболее существенно подрывает авторитет государственной власти и местного самоуправления, содействует развитию отрицательного отношения в целом к органам власти [30, с. 174].

Проанализировав судебную практику, можно сделать вывод о том, что под интересами службы понимается нарушение конкретным лицом предоставленного ему объема полномочий, которые напрямую вытекают из

определенных локальных нормативных актов, а также требований трудового договора. Немаловажно отметить, что при установлении наличия состава преступления в рассматриваемом случае, необходимо точно установление пределов полномочий должностного лица с целью установления нарушенных им пределов [24].

Разъяснения понятий лиц, которые занимают государственную должность РФ и государственную должность субъектов Федерации, содержатся в примечаниях 2 и 3 к ст. 285 УК РФ, а правовое положение главы органа местного самоуправления устанавливается в нормах ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [88].

Отдельные трудности имеют место в случае применения такого квалифицирующего признака, как «превышение должностных полномочий с применением насилия или с угрозой его применения».

Постановление Пленума 2009 г. № 9 разъяснений по указанному поводу не дает. В уголовно-правовой науке указывается, что «под насилием понимается нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли; действия, повлекшие причинение вреда здоровью любой тяжести; действия, связанные с полным или частичным ограничением свободы потерпевшего» [98, с. 295].

Правоведы приходят к выводу, что «под насилием понимаются любые действия виновного, сопряженные с нанесением потерпевшему побоев, причинением телесных повреждений любой тяжести, физической боли. В чистом виде психическое насилие по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ вряд ли подразумевается» [94, с. 60].

Исходя из отсутствия разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, единообразной точки зрения по рассматриваемой проблеме не существует и в судебной практике. В качестве показательного примера является решение, где Верховный Суд предоставил разъяснение о применении п. «а» ч. 3 ст. 286

УК РФ: «Верховный Суд Российской Федерации не согласился с квалификацией действий П. по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, признав, что П. в ответ на правомерное поведение потерпевшего совершил насильственные действия, изложенные в приговоре. Вместе с тем, как отметил Верховный Суд, телесных повреждений у потерпевшего не зафиксировано; судебно-медицинской экспертизы, которая бы подтвердила, что совершенные П. действия в отношении К. повлекли ухудшение состояния здоровья К. и находились в причинно-следственной связи с ним, не проводилась, поэтому нет оснований для вывода, что превышение П. должностных полномочий совершено с применением насилия, под которым понимается нанесение побоев, истязание, причинение вреда здоровью любой тяжести» [33].

Однако в другом решении Верховный Суд РФ трактует п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ иначе: «Верховный Суд признал, что под применением насилия применительно к п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ следует понимать не только причинение тяжкого, средней тяжести, легкого вреда здоровью потерпевшего, нанесение побоев и истязание, но и иное физическое воздействие, в том числе и не повлекшее вреда здоровью потерпевшего и не относящееся к побоям, истязаниям» [64].

Подобные решения не единичны: переквалифицируя содеянное на ч. 2 ст. 336 УК РФ, Северный флотский военный суд указал, что поскольку Р. нанес подчиненному лишь один удар, не повлекший расстройства здоровья, его действия не могут быть расценены иначе как оскорбление подчиненного. Верховный Суд Российской Федерации не согласился с решением суда флота и указал, что характер примененного Р. насилия свидетельствует о намерении не только унижить личное достоинство подчиненного, но и неправомерно наказать его за упущения по службе, существенно нарушив права и законные интересы потерпевшего, что характерно для превышения должностных полномочий. Объем же этого насилия достаточен для квалификации содеянного по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, как это было правильно сделано гарнизонным военным судом [65].

Вследствие отсутствия законодательных границ градации понятий «применение насилия, угрозы применения насилия», судами по-разному квалифицируются деяния, предусмотренные ст. 286 УК РФ, в отдельных ситуациях исключая квалифицирующие признаки и смягчая уголовную ответственность виновных. Так, в отношении Х., обвиняемого по п. «а» части 3 статьи 286 УК РФ действия переквалифицированы на часть 1 статьи 286 УК РФ. Своими действиями обвиняемый потерпевшей причинил вред здоровью, выразившийся в кровоподтеках плеча и грудной клетки, не подлежащие экспертной оценке. Отметив, что виновный потерпевшей ударов не наносил, не причинил физической боли, а применил физическое насилие в виде удержания за руку, судом переквалифицированы действия Х. на ч. 1 ст. 286 УК РФ. Суд обосновал существенное нарушение прав и интересов как составообразующий признак превышения именно получением потерпевшей телесных повреждений в виде кровоподтеков [46].

Подобные случаи не единичны. Так, суд вынес приговор А. и В., обвинявшимся в совершении преступного деяния, предусмотренного п.п. «а, б» ч. 3 ст. 286 УК РФ. По заявлениям потерпевших, кроме обычных избиений, им надевали на голову противогаз, пуская в дыхательный шланг дым от сигарет, подвешивали за руки, душили, избивали резиновыми дубинками. Судом переквалифицировано содеянное А. и В. на ч. 1 ст. 286 УК РФ и назначено наказание в виде одного года лишения свободы каждому, но по причине истечения срока давности привлечения к ответственности суд освободил А. и В. от отбытия уголовного наказания» [47].

В науке уголовного права общепризнанно, что физическое насилие при превышении должностных полномочий может выражаться в нанесении удара, нанесении потерпевшему лицу побоев, истязании, ограничении свободы, умышленном нанесении потерпевшему лицу легкого и средней тяжести вреда здоровью. Подобные случаи полностью охватываются п. «а» ч. 3 ст. 286 УК и не требуют дополнительной квалификации по другим статьям УК РФ [30, с. 186].

Убийство [68], равно как и покушение на убийство, совершенное при превышении должностных полномочий, следует квалифицировать по совокупности преступлений с вменением не только п. «а», но и п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ [102, с. 22].

По поводу квалификации деяний при причинении тяжкого вреда здоровью в научной литературе высказаны различные точки зрения: одни авторы считают, что признаком насилия при превышении должностных полномочий охватывается причинение любого вреда здоровью, включая и тяжкого, и дополнительной квалификации не требуется [22, с. 52]. Другие полагают, что необходима квалификация по совокупности, когда насилие, в отношении потерпевшего выразилось в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью [23, с. 21]. Также имеется позиция, в соответствии с которой признаком насилия охватывается причинение тяжкого вреда здоровью, предусмотренное ч. 1 ст. 111 УК РФ [57, с. 432].

Верно указывает А.А. Ильин, что признаком насилия охватывается причинение тяжкого вреда здоровью, предусмотренное ч. 1 ст. 111 УК РФ, если должностное лицо, превышая свои полномочия, причиняет тяжкий вред здоровью, предусмотренный ч. 2, 3 или ч. 4 ст. 111 УК РФ, то необходима квалификация по совокупности. Это вытекает из правила квалификации при идеальной совокупности, согласно которому, если одно преступление является основным или квалифицирующим признаком другого преступления, то оно требует самостоятельной квалификации по соответствующей статье УК РФ лишь в том случае, если оно само по себе является более общественно опасным деянием. Уровень общественной опасности совершенного преступного деяния проявляется в санкции уголовной нормы. Анализ санкции ч. 1 ст. 111 УК РФ говорит о том, что указанные деяния охватываются признаком насильственного превышения должностных полномочий и дополнительной квалификации по совокупности не требуется. Что касается санкций, которые устанавливаются ч. 2, 3 и 4 ст. 111 УК РФ - они превышают санкцию ч. 3 ст. 286 УК РФ, таким образом,

деяния являются более общественно опасными и в данной ситуации необходима квалификация содеянного по совокупности. При этом в любом случае причинения тяжкого вреда здоровью необходимо вменение не только п. «а», но и п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ [30, с. 189].

Убийство и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное должностным лицом при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, квалифицируется только по ст. 108 или 114 УК РФ. Данное решение вытекает из положений ч. 3 ст. 37 УК РФ, где сказано, что право на необходимую оборону имеют в равной степени все лица независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, также независимо от возможности избежать общественно-опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

Психическое насилие может выражаться в угрозе применения физического насилия, запугивании с целью облегчить совершение преступного деяния и принудить потерпевшее лицо совершить для виновного определенные действия или, наоборот, отказаться от их совершения. Угроза физическим насилием может высказываться как в отношении потерпевшего, так и в отношении его близких и может выражаться посредством слов, жестов или в письменном виде. При этом угроза применения насилия должна являться реальной - только в данном случае может быть вменение данного признака.

Итак, насилие при совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ может быть выражено в нанесении потерпевшему удара, побоев, истязаний, ограничении свободы, умышленном нанесении легкого и средней тяжести вреда здоровью, причинении смерти по неосторожности, в умышленном нанесении тяжкого вреда здоровью, регламентированному ч. 1 ст. 111 УК РФ. Угроза насилия при совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ охватывает угрозу убийством

либо причинением тяжкого вреда здоровью. Так как пунктом «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ охвачен достаточно обширный перечень опасных деяний, которые по уровню общественной опасности отличаются друг от друга, было бы целесообразно разделить в ст. 286 УК РФ насилие, которое является опасным для жизни либо здоровья потерпевшего и которое не является опасным для жизни либо здоровья потерпевшего, как это предусмотрено в ст.ст. 161, 166, 221, 226, 229, 296, 309, 318, 321 УК РФ, санкции которых сопоставимы, в целом, с санкциями ч. 2 и 3 ст. 286 УК РФ. Превышение полномочий, которое совершено с применением насилия, не являющимся опасным для жизни либо здоровья потерпевшего, или с угрозой его применения следует предусмотреть как квалифицирующий признак в ч. 2 ст. 286 УК РФ наряду с особым статусом должностного лица, а насилие, которое является опасным для жизни либо здоровья ч. 2 и 3 ст. 286 УК РФ, или его угрозу - особо квалифицирующим обстоятельством.

Как указано выше, п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ предусматривает применение оружия или специальных средств как особо квалифицирующее обстоятельство.

Под оружием понимаются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов. Оружие может быть огнестрельным, холодным, метательным, пневматическим, газовым, сигнальным. К оружию не относятся изделия, сертифицированные в качестве изделий хозяйственно-бытового и производственного назначения (хозяйственные и перочинные ножи, бритвы, топор, молоток, лом и т.д.), а также спортивные снаряды, конструктивно сходные с оружием [89].

К специальным средствам относятся резиновые палки, наручники, слезоточивый газ, водометы, бронемшины, средства разрушения преград, служебные собаки и другие средства, состоящие на вооружении органов внутренних дел, внутренних войск, федеральных органов государственной

охраны, органов федеральной службы безопасности, органов уголовно-исполнительной системы и др.

Ответственность за превышение должностных полномочий, которое сопровождалось применением оружия либо специальных средств, может наступать в случаях, при которых оружие либо специальные средства применялись в нарушение установленных оснований и порядка их использования. Условия и пределы применения огнестрельного оружия или специальных средств устанавливаются рядом нормативных актов: ФЗ «О полиции» [90], Федеральным законом от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» [92], Законом РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [26], Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [93], Федеральным законом от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» [91] и т.д.

Также следует установить, что применение насилия или угроза его применения, применение оружия или специальных средств находились в связи с исполнением виновным лицом его служебных обязанностей, иначе возможность привлечения лица к уголовной ответственности за превышение должностных полномочий исключена.

Особо квалифицирующий признак, предусмотренный ч. 3 ст. 285 УК РФ, п. «в», ч. 3 ст. 286 УК РФ является оценочным, при этом в указанных нормах воспроизводится сам термин «тяжкие последствия» без конкретизации его содержания.

Пленумом Верховного Суда РФ в п. 21 постановления № 19 разъясняется, что под тяжкими последствиями следует понимать последствия в виде крупных аварий и длительной остановки транспорта или производственного процесса, иного нарушения деятельности организации, причинение значительного материального ущерба, причинение смерти по

неосторожности, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего и т.п.

Указывая в п. 21 постановления № 19, что тяжкие последствия могут быть выражены в причинении значительного материального ущерба, Пленумом не дается ориентиров в отношении его размеров.

Отсутствие четких критериев определения тяжких последствий подчеркивает наличие в судебной практике случаев, противоречащих друг другу. Так, в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2017 года по приговору в отношении Г. к тяжким последствиям отнесено то, что «в отношении потерпевших, незаконно привлеченных к ответственности (в результате превышения виновным своих полномочий), была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста сроком на 8 месяцев, а потерпевший Л. в течение 15 месяцев содержался под стражей в следственном изоляторе» [62].

В другом случае наступление вследствие превышения должностных полномочий тяжкого вреда здоровью человека признано недостаточным для вменения п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, и осуждение Х. в данной части исключено из приговора в кассационном определении ВС РФ от 21.01.2015 г. [34]. Между тем, последствия в первом примере имеют обратимый характер в отличие от причиненного тяжкого вреда здоровью потерпевшего – во втором.

Анализируемое понятие законодателем применяется в ряде уголовно-правовых норм: п. «а» ч. 3 ст. 127.1, ч. 3 ст. 127.2, ч. 3 ст. 145.1, ч. 2 ст. 167, ч. 1 ст. 215.1, ч.1 ст. 349, ч. 2 ст. 228.2, ч. 2 ст. 237, ч. 1 ст. 248, ч. 3 ст. 285 УК РФ и т.д. При этом критерии установления тяжких последствий различные. Так, для применения ч. 3 ст. 145.1 УК РФ тяжкими последствиями являются частичная невыплата более трех месяцев заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и прочих выплат; для вменения ч. 1 ст. 248 УК РФ любой вред здоровью может относиться к тяжким последствиям.

В данном случае показателен пример из судебной практики. Так, Р., являющийся главой муниципального образования осужден по ч. 3 ст. 285 УК РФ, так как им было выдано разрешение на ввод в эксплуатацию жилого дома, достоверно зная, что подрядчиком строительство жилого объекта не было завершено. В дальнейшем сданное в эксплуатацию жилое помещение признано аварийным, жильцы квартир, которые им были предоставлены администрацией в соответствии с программой переселения граждан из аварийного жилищного фонда, переселены в жилые помещения резервного фонда.

Указанные обстоятельства судом признаны как тяжкие последствия, представленные:

- существенным нарушением конституционных (жилищных) прав граждан, которые были заселены в аварийное жилое помещение, подлежащее сносу либо реконструкции. Потерпевшие, проживая в указанных условиях, подвергались угрозе жизни и здоровью, несли дополнительные материальные расходы на поддержку и функционирование конструкции ветхого жилья, так как возможности проживания в другом жилье у них не было;
- существенным нарушением общественных и государственных интересов, которое выразилось в противоправном перечислении подрядчику денежных средств за невыполненные работы и ввод в эксплуатацию недостроенного жилого дома, в результате чего местному бюджету был причинен материальный ущерб;
- умалением и подрывом авторитета органов местного самоуправления, дискредитацией и дезорганизацией работы аппарата государства, созданием отрицательного мнения общества о работе должностных лиц органов местного самоуправления.

Материальный ущерб причиненный местному бюджету, а не угрозу жизни и здоровья граждан, которая создавалась проживанием в аварийном

доме, суд признал «тяжкими последствиями, с учетом затрат на проектно-сметную документацию на строительство дома» [5].

При совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 285 УК РФ, п. «в», ч. 3 ст. 286 УК РФ, могут наступить смерть человека, вред здоровью, уничтожение или повреждение чужого имущества и т.п.

Кроме указанных Пленумом ВС РФ в постановлении №19 судебная практика к тяжким последствиям превышения относит убийство и причинение тяжкого вреда здоровью. Справедливость данной позиции подтверждается и на законодательном уровне: в ч. 3 ст. 127.1, 127.2 УК РФ наряду с наступлением смерти указывается и причинение тяжкого вреда здоровью либо наступлении других тяжких последствий, то есть тяжкий вред здоровью рассматривается как разновидность тяжких последствий.

К тяжким последствиям законодателем относится и средний тяжести вред здоровью, так как в ч. 2 ст. 333, 334 УК РФ квалифицирующим признаком называется тяжкий либо средней тяжести вред здоровью или иные тяжкие последствия. Кроме того, в ч. 2 ст. 228.2, 237 УК РФ дифференцирующим обстоятельством выступает причинение деянием всякого вреда здоровью человека или наступление иных тяжких последствий, таким образом, обозначение «вред здоровью» охватывает собой в данном случае кроме вышеуказанных тяжкого и средней тяжести вреда здоровью также и легкий вред, то есть все указанные УК РФ виды вреда здоровью [30, с. 196].

Анализируя материалы судебной и правоприменительной практики, с учетом событий, связанных с возбуждением ряда резонансных уголовных дел о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий по фактам издевательств над задержанными сотрудниками правоохранительных органов следует отметить, что нередко злоупотребление должностными полномочиями совершается группой лиц по предварительному сговору, однако такой квалифицирующий признак в конструкции ст. 285 и 286 УК РФ отсутствует, в связи с чем было бы

целесообразно в ст. 285 и 286 УК РФ включить часть 4, где предусмотреть особо квалифицирующий признак - злоупотребление должностными полномочиями группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой и превышения должностных полномочий группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой соответственно, как это сделано законодателем в отдельных составах гл. 30 УК РФ: ст. 286.1, п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ.

Такое нововведение позволит в наибольшей степени полно проводить дифференциацию уголовной ответственности в указанных случаях. Кроме того, оно соответствует правилам конструирования квалифицированных составов преступлений, поскольку факт совершения данного преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой свидетельствует о значительном повышении уровня общественной опасности содеянного.

3.2 Особенности квалификации злоупотребления и превышения должностных полномочий и их отграничения от других преступлений

Как показало исследование уголовных дел по делам о злоупотреблении и превышении должностных полномочий, судебная практика сталкивается с трудностями при их квалификации.

Так, в практике сложности вызывают отграничения злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий от халатности.

Уголовный закон определяет халатность (ст. 293 УК РФ) как неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного отношения к службе, повлекшее указанные в норме последствия. В отличие от должностных злоупотребления

(ст. 285 УК РФ) и превышения (ст. 286 УК РФ), в диспозиции халатности речь идет не о полномочиях, а об обязанностях.

Злоупотребление должностными полномочиями совершается посредством вынесения необоснованного (непринятия необходимого) властного, организационно-распорядительного либо административно-хозяйственного решения. Преступное деяние заключается в общественно опасном изменении правоотношений. Способ данного преступления выражен в правовой форме исполнения государственных функций. Данным критериям соответствуют специальные виды злоупотребления должностными полномочиями. Процессуальные решения представляют собой противоправное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ), незаконное задержание (ч. 1 ст. 301 УК РФ).

Превышение должностных полномочий - это общественно опасные действия, совершение которых становится возможным и (или) значительно облегчается благодаря должностному положению субъекта. Обстановку данного деяния характеризует исполнение виновным лицом государственных функций в организационной (неправовой) форме. Вред, наносимый превышением, не имеет характера правовых последствий. Примерами могут быть: нарушение неприкосновенности жилища, совершенное лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 139 УК РФ), принуждение к даче показаний (ч. 2 ст. 302 УК РФ). «В качестве превышения необходимо квалифицировать требование начальника о сборе денежных средств с подчиненных, о производстве работ, которые не связаны с работой государственной организации, или, хотя и связанных, но без официального распоряжения об их проведении и отсутствии полномочия выносить подобные решения» [12, с. 39].

Халатность является неосторожным преступным деянием, вследствие чего его объективная сторона не характеризуется особым способом. Небрежность и недобросовестность при халатности могут быть проявляться

должностным лицом при исполнении государственных функций в правовой и в организационной формах.

Преступление, предусмотренное ст. 293 УК РФ, следует отграничивать как от пассивного, так и от активного злоупотребления полномочиями. К примеру, должностное лицо действует, подписывая акт приема работ, если они не были выполнены либо выполнены не полностью. В данной ситуации об осознании противоправности выносимого решения, то есть должностном злоупотреблении, могут свидетельствовать выявленная корыстная либо другая личная заинтересованность, показания очевидцев о его осведомленности относительно невыполнения условий контракта, бесспорный характер недостатков. В таких случаях халатность может вменяться только потому, что не установлены мотивы, которые имеют значение для квалификации, основания, побуждавшие к ущербному для государства решению.

При халатности должностное лицо уклоняется от исполнения обязанностей не преднамеренно, что характерно для злоупотребления должностными полномочиями или превышения полномочиями, а по забывчивости, невнимательности или в силу отсутствия должной подготовки.

В норме, предусматривающей уголовную ответственность за халатность, указывается на неосторожное отношение именно к службе, то есть к самому деянию, а не к наступившим опасным последствиям, что свойственно для иных неосторожных преступных деяний. Поэтому в случае решения вопроса относительно того, являлось ли преднамеренным либо неосторожным безосновательное властное, организационно-распорядительное, административно-хозяйственное решение, следует принимать во внимание обстоятельства его принятия, которые предшествовали этому, организационные и технические действия.

Если в случае злоупотребления должностными полномочиями либо превышения полномочиями виновное лицо сознательно использует их вопреки общественным и государственным интересам, то при халатности

виновный не исследует надлежащим образом фактические обстоятельства дела и юридические основания выносимого управленческого решения, не осуществляет контроль за деятельностью подчиненных лиц, которые готовят и оформляют данное решение. При совершении преступления, предусмотренного ст. 293 УК РФ, должностным лицом не маскируется небрежно принимаемое решение, поскольку он не предвидит его опасных последствий либо рассчитывает на их предотвращение.

Виновное лицо в злоупотреблении должностными полномочиями либо превышения полномочиями старается придать своему поведению «законный вид», поскольку он осознает неизбежность нанесения вреда личности, обществу либо государству. Это объясняется способом совершения преступного деяния, предусмотренного ст. 285, 286 УК РФ, который проявляется в управленческом решении, создающем правовые последствия, изменяющем правовые отношения.

Также сходство имеет превышение должностных полномочий и превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей (ст. 203 УК РФ). Так, состав данных преступлений материальный, для признания его оконченным требуется наступление последствий, аналогичных предусмотренным ст. 286 УК РФ, и установление необходимой причинной связи. Кроме того, ст. 203 УК РФ раскрывает понятие «превышение», как и ст. 286 УК РФ, считая таковым совершение определенных действий. Разграничение же данных составов следует проводить по признакам субъекта: по ст. 203 УК РФ таковым может быть только частный детектив или работник частной охранной организации, правовой статус которых определен Законом РФ от 11.03.1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [27].

Кроме того, ст. 203 УК РФ, в отличие от ст. 286 УК РФ закрепляет источник установленных полномочий - законодательство Российской

Федерации по вопросам частной охранной и детективной деятельности, но не содержит признака «явности» выхода за пределы полномочий, характерного для ст. 286 УК РФ.

Также в практике сложности вызывают отграничения злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий от служебного подлога. Неверным суждением стоит считать является одной из форм проявления злоупотребления должностных полномочий или их превышения, поскольку в круг любого должностного лица не входят полномочия по искажению официальных документов. На основании этого, служебный подлог стоит считать специальной нормой по отношению к ст. 285 УК РФ и ст. 286 УК РФ. Дополнительной квалификацией ст. 285 УК РФ и ст. 286 УК РФ не подлежит.

Так, судом О. признан виновным по ч. 1 ст. 285 и ст. 292 УК РФ. В ходе судебного рассмотрения было установлено, что «Б. во время проведения оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию преступлений, связанных с автотранспортом, составил подложные документы, на основании которых был незаконно зарегистрирован автомобиль за гражданином М.» [6].

Подобная квалификация содеянного О. вызывает сомнения, поскольку квалификация по совокупности деяний, предусматривающих специальные виды злоупотреблений и общие составы таких злоупотреблений, может быть при их реальной совокупности. О. же был совершен специальный вид должностного преступления - служебный подлог, вследствие чего не требуется дополнительная квалификация содеянного О. по ст. 285 УК РФ.

Служебный подлог определяется в законе как внесение должностным лицом, а также государственным служащим или служащим органа местного самоуправления, не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности.

В качестве главного отличия служебного подлога от должностного злоупотребления и превышения выступает предмет преступного деяния, которым является официальный документ.

В законодательстве объективная сторона служебного подлога характеризуется посредством перечисления деяний, которые могут квалифицированы в качестве служебного подлога:

- внесение заведомо недостоверных сведений в документы официального характера;
- внесение в документы официального характера исправлений, которые искажают их подлинное содержание.

Кроме того, служебный подлог является преступлением с формальным составом, т.е. считается оконченным с момента внесения в официальные документы заведомо ложных сведений или исправлений, искажающих их действительное содержание. И для признания служебного подлога оконченным не требуется наступления общественно опасных последствий.

Субъектами служебного подлога в отличие от должностного злоупотребления и превышения кроме должностных лиц могут быть и государственные служащие либо служащие органа местного самоуправления, которые не являются должностными лицами.

Субъективная сторона имеет наибольшую схожесть служебного подлога и должностного злоупотребления и превышения.

И злоупотребление должностными полномочиями, и превышение должностных полномочий, и служебный подлог могут быть совершены с прямым умыслом. Кроме того обязательным признаком субъективной стороны и злоупотребления должностными полномочиями и служебного подлога является мотив - корыстная или иная личная заинтересованность [28, с. 25]. В случае с превышением должностных полномочий мотив для квалификации деяния не имеет значения.

Квалификация деяния одновременно по ст. 285 УК РФ и специальной статье главы 30 УК РФ возможна только в случае реальной совокупности преступлений.

Так, является правильной позиция суда по следующему делу. В ходе судебного заседания было установлено следующее: «Л., являясь должностным лицом - участковым уполномоченным, принял устное заявление о совершении преступления от гражданки П., о том, что В. украл у неё сотовый телефон. Л., действуя из корыстной заинтересованности, используя служебные полномочия, действуя вопреки служебным интересам, в нарушение ст. ст. 144 УПК РФ и Инструкции «О порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел РФ сообщений о преступлениях и иной информации о правонарушениях», не зарегистрировал принятое заявление от П., скрыв его от государственной регистрации.

В этот же день Л. изъял у В. сотовый телефон, похищенный у Л., и внес в протокол личного осмотра заведомо недостоверную информацию о присутствии при этом понятых С. и Д. и расписался от имени последних. Далее, угрожая В. привлечением к уголовной ответственности, потребовал от него денежную сумму за применение мер по собранному им материалу» [7]. Содеянное Л. судом верно квалифицировано по ч. 1 ст. 285, ст. 292, ч. 2 ст. 290 УК РФ.

Злоупотребление должностными полномочиями по признаку корыстной заинтересованности схоже с хищением, совершенным лицом с использованием своего служебного положения.

Хищение в примечании к ст. 158 УК РФ определяется как совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Как следует из вышеуказанного определения, эти действия направлены на нанесение вреда разным объектам. В случае должностного злоупотребления речь идет о причинении вреда общественным отношениям в

области, основанной на законе работы органов аппарата государства и местного самоуправления. В случае хищения, совершенном лицом с использованием служебного положения, вред наносится отношениям собственности.

Хищение в отличие от должностного злоупотребления предполагает, что имущество изъято безвозмездно. Таким образом, когда имущество изымается с незаконной заменой его другим имуществом либо деньгами, то следует говорить о должностном злоупотреблении. Когда должностным лицом взамен изъятого имущества возмещается явно неэквивалентное имущество либо сумма денежных средств, то имеет место хищение, совершенное с использованием служебного положения.

В практической деятельности имеют место сложности, когда должностным лицом дополнительно к заработной плате незаконно выплачиваются работникам денежные суммы. В подобных ситуациях следует исходить из цели, преследовавшей виновным лицом. Когда целью подобных выплат выступают интересы личного характера, то имеет место хищение, совершенное с использованием должностных полномочий. В подобных ситуациях злоупотребление должностными полномочиями является только способом совершения хищения.

Так, судом Ч. признана виновной по части 1 ст. 285 УК РФ. В ходе производства по уголовному делу было установлено следующее: «Ч., являясь начальником метеорологической станции, оформила на должность техника станции сестру и свою мать, которые фактически не работали, чем причинила ущерб государству в виде выплачиваемой им заработной платы.

Судебная коллегия по уголовным делам действия Ч. справедливо переквалифицировала с ч. 1 ст. 285 УК РФ на ч. 3 ст. 159 УК РФ» [8].

В целях верной квалификации идеальной совокупности преступных деяний существенную роль играет «четкое разграничение в сложном специальном составе преступления, включающим два и более преступных деяния, каждое из которых, если рассматривать в отдельности, представляет

собой самостоятельное преступление, предусмотренное конкретной статьей УК РФ» [28, с. 26].

Исходя из этого, является необоснованной позиция Судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда, в соответствии с которой был признан виновным П. - командир группы немедленного реагирования ППС РОВД г. Калининграда, по ч. 1 ст. 105 УК РФ. В ходе производства по уголовному делу было установлено следующее: «П. с напарником находился на маршруте патрулирования по охране общественного порядка на центральном рынке г. Гудермеса и в процессе завязавшейся ссоры, а потом драки ударил автоматом по голове, а потом выстрелами убил жителя города Д.» Суд исключил из обвинения п. «а», «б» и «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, указав, что «несмотря на то, что П. находился на патрулировании по охране общественного порядка, судом установлено, что он не превышал никаких должностных полномочий, т.е. у него отсутствовал какой-либо умысел.

В ходе конфликта личного характера у него сложилась личная неприязнь к потерпевшему, на почве которой он, как рядовой гражданин, и совершил умышленное убийство Д., никоим образом не связанное с выполнением им обязанностей по охране общественного порядка» [9].

В данном случае, являясь должностным лицом П. находился при исполнении должностных обязанностей, вопреки интересам занимаемой должности, при наведении общественного порядка причинил смерть человеку. Таким образом, содеянное П. необходимо квалифицировать по совокупности по ст. 286 УК РФ и ст. 105 УК РФ.

В уголовно-правовой науке дискуссионным является вопрос относительно квалификации «превышение должностных полномочий, повлекшее причинение смерти или тяжкого вреда здоровью». Большинство ученых, имея в виду санкции соответствующих статей, считают, что причинение тяжкого вреда здоровью, предусмотренное ч. 1 и 2 ст. 111 УК РФ, полностью охватывается ч. 3 ст. 286 УК и квалификации по совокупности этих статей не требуется [78, с. 182].

Согласно другой точке зрения, ч. 3 ст. 286 УК РФ охватывает все случаи причинения тяжкого вреда здоровью [56, с. 42].

Третья позиция основывается на том, что если насилие, которое было применено должностным лицом, превышающим свои полномочия, к потерпевшему выражено в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, содеянное необходимо квалифицировать по совокупности со ст. 111 УК РФ [80, с. 57].

Следует полагать, что причинение вреда здоровью, предусмотренное ч. 1 и 2 ст. 111 УК РФ, полностью охватывается ч. 3 ст. 286 УК РФ и квалификации по совокупности этих статей не требует.

Злоупотребление должностными полномочиями необходимо отличать от хищения чужого имущества, совершенного лицом с использованием своего служебного положения (например, ч. 3 ст.ст. 159, 159.1-159.3, 159.5, 160, п. «а» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ). При злоупотреблении должностными полномочиями из корыстных побуждений отсутствуют какие-либо признаки хищения, такие как изъятие имущества при получении имущественной выгоды от использования имущества не по назначению (например, использование служебного автомобиля в личных целях), незаконное временное и (или) возмездное изъятие чужого имущества и т.д. Если же при изъятии должностным лицом чужого имущества с использованием своего служебного положения присутствуют все признаки хищения, то содеянное является преступлением против собственности (мошенничеством либо присвоением или растратой) и дополнительной квалификации по ст. 285 УК РФ не требует.

В случаях, когда должностное лицо совершает не только хищение, но и иные должностные преступления, имеет место совокупность преступлений. Если злоупотребление должностными полномочиями обусловлено получением взятки, то содеянное квалифицируется по ст.ст. 285 и 290 или 291.2 УК РФ. Иная личная заинтересованность может выражаться в стремлении извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленном

такими побуждениями, как карьеризм, протекционизм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т.п.». В судебно-следственной практике они наиболее часто выражаются в ложно понятых интересах службы, желании сократить объем своей работы, «приукрасить» действительность, избежать неблагоприятных последствий невыполнения или ненадлежащего выполнения своих обязанностей по службе, стремлении к продвижению по служебной лестнице любой ценой и т.д. При этом возникают проблемы с установлением низменных мотивов при грубом нарушении должностными лицами долга службы [42, с. 98].

Правоприменителю необходимо установить истинные мотивы поведения должностного лица, выявить попытки скрыть их, замаскировать под благовидные предлоги, прикрыться «благими намерениями». Отсутствие наступательности и компетентности при проведении следственных действий приводит к тому, что истинные побуждения остаются недоказанными, что, в свою очередь, обуславливает оправдательные приговоры и безнаказанность преступников.

Должностное преступление всегда связано с использованием служебных полномочий. Поэтому имеет место общеуголовное преступление, если должностное лицо совершает, например, мошенничество или кражу чужого имущества, не используя тех полномочий, которые вытекают из нормативно-правовых актов, устанавливающих его служебные полномочия, либо применяет насилие к близким лицам на почве личных неприязненных отношений. Однако по ст. 285 УК РФ квалифицируется и деяние, содержащееся в злоупотреблении правом в целом (при наличии всех остальных признаков состава преступления), то есть в совершении действий, объективно противоречащих интересам государственной или муниципальной службы в целом, но все равно это должно быть связано со служебной деятельностью виновного.

Зачастую трудности возникают в отграничении превышения должностных полномочий и злоупотребления должностными полномочиями. Объединяет указанные составы наличие общего субъекта, а также объекта преступления, в то время как различия между ними усматриваются в объективной и субъективной стороне. Злоупотребление имеет место тогда, когда формально соблюдаются основания и порядок использования лицом своих полномочий, однако при этом преследуются противоправные цели. Превышение полномочий, напротив, свидетельствует о несоблюдении материально-правовых оснований или установленного законом процессуального порядка их применения [99, с. 29].

В судебной практике вопросы наличия или отсутствия полномочий разрешаются по-разному. В одних случаях суды исходят из общих нормативных положений, наделяющих должностное лицо теми или иными полномочиями, не учитывая основания или порядок их осуществления. В других случаях, напротив, правоприменительная практика строго придерживается позиции, согласно которой отсутствие законных условий для осуществления полномочий в конкретной ситуации свидетельствует об отсутствии и самих полномочий.

Так, действия главы муниципального образования по заключению муниципального контракта без проведения обязательных торгов было квалифицировано Наримановским районным судом Астраханской области как превышение должностных полномочий [46], а Верховным судом Республики Алтай – как злоупотребление должностными полномочиями, вопреки доводам прокурора о том, что подсудимый совершил действия, которые ни при каких обстоятельствах не вправе был совершать [51].

Схожая ситуация обстоит с укрывательством преступлений путем вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Так, оперуполномоченный отдела полиции, исполнявший обязанности дознавателя, получил информацию о совершении преступления (сведения от потерпевших, видеозапись с камер наблюдения). Тем не менее, он намеренно

ввел потерпевших в заблуждение касательно того, что лица, причастные к преступлению, не будут привлечены к уголовной ответственности, поскольку являются членами ОПГ, и написание заявлений и проведение проверки в отношении них может представлять опасность. Таким образом, оперуполномоченный убедил потерпевших написать письменные объяснения, где были отражены искаженные обстоятельства произошедшего, а также выражен отказ от подачи заявлений с целью уголовного преследования. На основании указанных объяснений был вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Суд обоснованно квалифицировал действия оперуполномоченного по ст. 286 УК РФ [41].

Как верно указывает И.Д. Борисов, в целях квалификации деяния по ст. 285 УК РФ необходимо, чтобы действие или бездействие относилось к полномочиям должностного лица [12, с. 60].

Схожего мнения придерживаются П.В. Никонов и В.Н. Шиханов, которые утверждают, что злоупотребление должностными полномочиями имеет место в том случае, когда у должностного лица есть полномочие бездействовать. Если же закон прямо предписывает лицу совершить определенные действия, то довольно сложно говорить об использовании им своих должностных полномочий, поскольку фактически он их никак не реализует [45, с. 324].

Суды, как правило, усматривают простое бездействие в случаях неисполнения должностным лицом своих обязанностей, квалифицируя его по ст. 285 УК РФ. Например, государственный таможенный инспектор, находясь при исполнении своих полномочий на таможенном посту, умышленно не осуществил обязанностей по таможенному контролю лица, с которым находился в приятельских отношениях, хотя имелись основания для привлечения указанного лица к административной ответственности. Суд квалифицировал бездействие инспектора как злоупотребление должностными полномочиями [60].

В данной ситуации таможенный инспектор был обязан пресечь совершение административного правонарушения, однако не только не реализовал указанного полномочия, но и совершил активные действия – принял незаконное решение о выпуске товаров на территорию ЕАЭС и выпустил автомобиль с территории пункта пропуска. Таким образом, наиболее полный и правильный, как верно указывает Р.Б. Шмаков, анализ совершенного деяния возможен посредством рассмотрения служебного бездействия (в юридическом смысле) через фактические действия, не связанных с использованием должностных полномочий в силу того, что такие действия направлены на уклонение от выполнения обязанностей [99, с. 30]. Указанный подход был предложен П.С. Яни [105, с. 11].

В качестве примера злоупотребления должностными полномочиями, совершенного путем бездействия, можно привести требование главврача ГБУЗ вносить недостоверные сведения в медицинские карты пациентов, а также отчетные документы, адресуемые страховым организациям, об оказании медицинской помощи в соответствии с вновь принятыми стандартами. При этом суд установил, что главврач является должностным лицом, уполномоченным давать обязательные для исполнения всеми работниками распоряжения. Данное полномочие было использовано в целях незаконного получения бюджетных средств ФОМС, а также искусственного завышения показателей работы учреждения [48].

Таким образом, в целях разграничения превышения должностных полномочий и злоупотребления должностными полномочиями необходимо точно определять круг прав и обязанностей должностного лица с учетом конкретных обстоятельств совершенного деяния. Злоупотребление будет иметь место тогда, когда формально соблюдаются основания и порядок использования лицом своих полномочий, однако при этом преследуются противоправные цели. Превышение полномочий, напротив, свидетельствует о несоблюдении материально-правовых оснований или установленного законом процессуального порядка их применения.

Наиболее полный и правильный анализ совершенного деяния возможен посредством рассмотрения служебного бездействия (в юридическом смысле) через фактические действия, не связанные с использованием должностных полномочий в силу того, что такие действия направлены на уклонение от выполнения должностным лицом своих обязанностей [99, с. 31].

Особое внимание в составе ст. 286 УК РФ следует уделить на степень явного выхода должностным лицом за пределы полномочий. В указанном преступном деянии данному признаку следует придавать значение того, что виновным совершаются действия, превышающие его должностные полномочия, которые оно при данных обстоятельствах или в принципе никогда не вправе было совершить, хотя данные действия и были связаны с исполнением его деятельности [97, с. 98].

При разграничении преступлений, предусмотренных ст. 285 и ст. 286 УК РФ, следует исходить из установленного в УК РФ механизма причинения должностным лицом интересам и власти и службы. Указанный механизм позволяет уяснить, что разница между двумя анализируемыми составами состоит в направлении эксплуатации должностным лицом своего особенного правового статуса. В случае злоупотребления виновное лицо использует один из трех видов принадлежащих ему служебных полномочий, при этом, не касаясь компетенции иных лиц, а в случае превышения - должностное положение [16, с. 54].

Данный вывод также можно сделать из анализа судебной практики. Квалифицируя действия Х.А. дважды по ч. 1 ст. 285 УК РФ как злоупотребление должностными полномочиями, то есть использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, совершенное из корыстной заинтересованности и повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан, суд при описании преступных деяний Х.А. указал в приговоре круг его служебных полномочий, однако при этом установил, что им было совершено злоупотребление не конкретными служебными полномочиями, а служебным

положением (получении взятки от И. за действия в пользу взяткодателя и общее покровительство, совершенном с вымогательством взятки в крупном размере, и в злоупотреблении должностными полномочиями, то есть использовании должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, совершенном из корыстной заинтересованности и повлекшем существенное нарушение прав и законных интересов граждан - И. и М.). При таких обстоятельствах следует признать, что вывод суда о наличии в действиях осужденного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ, противоречит установленным судом фактическим обстоятельствам дела [52].

В отличие от злоупотребления должностными полномочиями при превышении виновный не может своими действиями повлечь возникновение, изменение, прекращение прав и обязанностей, давать имеющие правовую силу обязательные к исполнению решения, понуждать к совершению фактических и правовых действий, поскольку лицо выходит за рамки своей компетенции. Посягательство на соответствующий объект уголовно-правовой охраны возможно благодаря наличию форменной одежды, служебного удостоверения, оружия, специальных средств. Применение указанных средств подрывает авторитет органов государственной власти и местного самоуправления, дискредитирует власть, что в значительной степени усиливает общественную опасность преступного посягательства. Факт совершения со стороны должностного лица действий, которые явно выходят за пределы возложенных на него полномочий и повлекшие существенное нарушение, несет в себе уголовную опасность. Кроме того, «исходя из характера объективной стороны состав злоупотребления должностными полномочиями шире, поскольку злоупотреблять можно полномочиями и по бездействию, а в объективную сторону превышения должностных полномочий входят только действия» [38, с. 56].

Таким образом, исследование правоприменительной деятельности позволило сделать вывод, что при квалификации не во всех случаях

принимается во внимание то, что злоупотребление должностных полномочий отличается от превышения должностных полномочий, главным образом тем, что в случае злоупотребления должностное лицо действует в границах возложенных на него ему полномочий, а в случае превышения - явно выходит за их пределы. Кроме того, при рассмотрении состава данных преступных деяний не всегда принимается во внимание обязательный признак субъективной стороны злоупотребления - корыстная либо иная заинтересованность личного характера.

Заключение

В результате проведенного исследования сделан ряд выводов, предложений и рекомендаций.

1. Исторический анализ норм о злоупотреблении и превышении должностных полномочий показал, что в условиях становления и развития нормативной, правоприменительной и научной деятельности в России постепенно формировалось учение о современном понятии составов этих преступлений, что это учение оказывает положительное влияние на правильное понимание и эффективное применение действующего уголовного законодательства.

2. Уголовное законодательство зарубежных стран значительно отличается от уголовного законодательства России в плане регламентации ответственности должностных лиц за совершение злоупотребления и превышения должностных полномочий: так в одних странах существуют как общие нормы, содержащие описания рассматриваемых преступлений, так и отдельные их виды; в других странах общие нормы вообще отсутствуют, а уголовное законодательство ограничивается лишь перечислением отдельных видов этих преступлений.

3. В современном российском законодательстве родовым объектом должностных преступлений, предусмотренных ст. 285 и ст. 286 УК РФ, является совокупность общественных отношений в сфере реализации государственной власти, охраны ее интересов, правильное функционирование деятельности по реализации властных полномочий, в соответствии с Конституцией РФ, другими федеральными законами и подзаконными нормативными актами, а также интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

4. Посягательства на родовой объект различаются между собой по признакам видового объекта. Видовым объектом превышения и злоупотребления должностными полномочиями будут выступать

общественные отношения, обеспечивающие правильную, регламентированную законом и иными нормативно-правовыми актами, деятельность государственных органов, органов местного самоуправления и органов управления Вооруженными Силами РФ и иными войсками и воинскими формированиями РФ, государственных и муниципальных учреждений государственных корпораций, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований Российской Федерации, в результате чего существенно нарушаются права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества и государства.

Содержание данных общественных отношений включает в себя деятельность по организации, контролю, надзору, обеспечению исполнения полномочий субъектами в рамках их полномочий и должностных инструкции, а также полное и своевременное выполнение задач публичного управления в сфере государственной и муниципальной службы, стоящих соответственно перед каждым государственным органом или органом местного самоуправления.

5. Непосредственным объектом составов злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий являются общественные отношения, обеспечивающие законную деятельность соответствующего звена государственной, муниципальной власти, государственного, муниципального учреждения.

6. Злоупотребление и превышение должностных полномочий (ст. 285, 286 УК РФ) могут быть совершены не только с прямым, но и с косвенным умыслом. По своему смысловому содержанию признак «явного» выхода должностным лицом за пределы своих полномочий в составе превышения должностных полномочий следует рассматривать как субъективно-объективный. С одной стороны, явный выход за пределы предоставленных должностному лицу полномочий должен быть очевидным,

ясным, хотя бы не для всех, но для определенного круга лиц, а с другой стороны, этот явный выход должен осознаваться самим виновным.

7. Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий, совершаемых должностными лицами, сконструировано в тексте уголовного закона с использованием оценочных признаков, не имеющих правовой определенности. Перечень квалифицированных и особо квалифицированных составов злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий не в полной мере соответствует общественной опасности, общим тенденциям и динамике совершения таких преступлений и требует изменения и дополнения.

8. Дифференциация уголовной ответственности в ст. 285, 286 УК РФ проведена посредством введения квалифицирующего (ч. 2), и особо квалифицирующих признаков (ч. 3).

К квалифицирующим признакам рассматриваемых составов относятся совершение тех же деяний лицом, занимающим государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, а равно главой органа местного самоуправления (ч. 2 ст. 285, 286 УК РФ), или совершенные с применением насилия или с угрозой его применения (п. «а», ч. 3 ст. 286 УК РФ), либо с применением оружия или специальных средств (п. «б», ч. 3 ст. 286 УК РФ), либо повлекшие причинение тяжких последствий (ч. 3 ст. 285 УК РФ, п. «в», ч. 3 ст. 286 УК РФ).

9. Признакам самостоятельного должностного преступления отвечает уклонение должностного лица от осуществления государственных функций. Необходимо установить уголовную ответственность за неисполнение должностным лицом своих обязанностей или уклонение от реализации своих полномочий, которое выразилось в существенном нарушении прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Одним из видов злоупотребления и превышения должностных полномочий является

нарушение процедурной формы реализации, которая может выражаться и в невыполнении возложенной на должностное лицо обязанности. Поэтому следует ст. 285, 286 УК РФ дополнить указанием на умышленное неисполнение должностным лицом своих должностных обязанностей.

10. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» имеются разъяснения, но не указаны суммы причиненного «существенного вреда».

Поэтому было бы целесообразно внести новый пункт 4.1. в примечания к ст. 285 УК РФ: «Существенным нарушением прав и законных интересов граждан, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ, если данные последствия выразились в причинении имущественного ущерба гражданину, следует признавать ущерб, сумма которого превышает десять тысяч рублей. Существенным нарушением прав и законных интересов организаций, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ, если данные последствия выразились в причинении имущественного ущерба, следует признавать ущерб, сумма которого превышает сто тысяч рублей».

11. Насилие при совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ может быть выражено в нанесении потерпевшему удара, побоев, истязаний, ограничении свободы, умышленном нанесении легкого и средней тяжести вреда здоровью, причинении смерти по неосторожности, в умышленном нанесении тяжкого вреда здоровью, регламентированному ч. 1 ст. 111 УК РФ. Угроза насилия при совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ охватывает угрозу убийством либо причинением тяжкого вреда здоровью.

Так как пунктом «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ охвачен достаточно обширный перечень опасных деяний, которые по уровню общественной опасности отличаются друг от друга, было бы целесообразно разделить в ст. 286 УК РФ насилие, которое является опасным для жизни либо здоровья потерпевшего и которое не является опасным для жизни либо здоровья потерпевшего, как это

предусмотрено в ст.ст. 161, 166, 221, 226, 229, 296, 309, 318, 321 УК РФ, санкции каковых сопоставимы, в целом, с санкциями ч. 2 и 3 ст. 286 УК РФ. Превышение полномочий, совершенное с применением насилия, которое не является опасным для жизни либо здоровья потерпевшего, или с угрозой его применения следует предусмотреть как квалифицирующий признак в ч. 2 ст. 286 УК РФ наряду с особым статусом должностного лица, а насилие, которое является опасным для жизни либо здоровья ч. 2 и 3 ст. 286 УК РФ, или его угрозу - особо квалифицирующим обстоятельством.

12. Анализируя материалы судебной и правоприменительной практики, с учетом событий, связанных с возбуждением ряда резонансных уголовных дел о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий по фактам издевательств над задержанными сотрудниками правоохранительных органов следует отметить, что нередко злоупотребление должностными полномочиями совершается группой лиц по предварительному сговору, однако такой квалифицирующий признак в конструкции ст. 285 и 286 УК РФ отсутствует, в связи с чем было бы целесообразно в ст. 285 и 286 УК РФ включить часть 4, где предусмотреть особо квалифицирующий признак - злоупотребление должностными полномочиями группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой и превышения должностных полномочий группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой соответственно, как это сделано законодателем в отдельных составах гл. 30 УК РФ: ст. 286.1, п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ.

Такое нововведение позволит в наибольшей степени полно проводить дифференциацию уголовной ответственности в указанных случаях. Кроме того, оно соответствует правилам конструирования квалифицированных составов преступлений, поскольку факт совершения данного преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной

группой свидетельствует о значительном повышении уровня общественной опасности содеянного.

Подводя итог вышесказанному можно сделать вывод, что в настоящее время уголовное законодательство в сфере злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий не совершенно.

Имеется достаточно моментов, на которые стоит обратить внимание, такие, как проблема квалификации преступлений, наличие многих неоднозначных понятий.

Предложения по совершенствованию законодательства, сформулированные в данном исследовании, способны повысить эффективность использования норм об уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышения должностных полномочий, упорядочить правоприменительную практику и деятельность правоохранительных органов.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Архив Ахтубинского районного суда Астраханской области Уголовное дело №1-260/2014 от 14.09.14 // СПС Консультант Плюс.
2. Архив Первомайского районного суда г. Нижнего Новгорода. Дело №390/2013 от 09.08.13 // СПС Консультант Плюс.
3. Архив Миллеровского районного суда Ростова-на-Дону. Дело № 952/2002 от 17.04.02 // СПС Консультант Плюс.
4. Архив Челябинского областного суда. Дело № 2-122/11 от 14.03.11 // СПС Консультант Плюс.
5. Архив Сысольского районного суда Республики Коми Уголовное дело №1-53/2016 от 16.03.16 // СПС Консультант Плюс.
6. Архив Центрального районного суда г. Мурманска. Дело № 67-4/2015 от 12.04.15 // СПС Консультант Плюс.
7. Архив Ленинского районного суда г. Челябинска. Дело № 44-4/2014 от 24.08.14 // СПС Консультант Плюс.
8. Архив зерноградского городского суда г. Смоленска. Дело № 47/2012 от 15.07.12 // СПС Консультант Плюс.
9. Архив Ростовского областного суда. Дело № 2-78/2011 от 11.12.2011 // СПС Консультант Плюс.
10. Балык П.П. Совершенствование уголовно-правовой ответственности за превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) // В сборнике: Наука России: цели и задачи: сборник научных трудов по материалам XVIII международной научной конференции. Международная Объединенная Академия Наук. Екатеринбург, 2019. С. 36-42.
11. Борзов А.А. Современные способы совершения должностных преступлений сотрудниками правоохранительных органов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 2 (30). С. 292-298.

12. Борисов И.Д. Разграничение злоупотребления должностными полномочиями (ч. 1 ст. 285 УК РФ) и превышения должностных полномочий (ч. 1 ст. 286 УК РФ) // Отечественная юриспруденция. 2018. № 5 (30). С. 59-63.

13. Борков В. Существенность нарушения правоохраняемых интересов при квалификации должностного злоупотребления // Уголовное право. 2017. N 6. С. 8 - 13.

14. Борков В.Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.08. Омск, 2015. 405 с.

15. Борков В.Н. Разграничение халатности и злоупотребления должностными полномочиями // Законодательство и практика. 2014. № 1 (32). С. 39-42.

16. Борков В. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 285 и 286 УК РФ // Уголовное право. №3. 2008. С. 54.

17. Глазьев С. Юридическая ответственность должностных лиц // Законность. 2016. № 12. С. 2-6.

18. Голубев В.В. Злоупотребление должностными полномочиями как основа отечественной коррупции // Законодательство. 2017. № 6. С. 81.

19. Греков К.А. Квалификация преступлений, совершаемых путем превышения должностных полномочий: диссертация... кандидата юридических наук : 12.00.08 Ростов-на-Дону, 2007. 206 с.

20. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде» // СУ РСФСР. 1917. N 4. ст. 50 (утратил силу).

21. Декрет ВЦИК от 18.03.1920 «О Революционных Военных Железнодорожных Трибуналах (Положение)» // СУ РСФСР. 1920. N 21. ст. 112 (утратил силу).

22. Должностные преступления. Понятие и квалификация / Здравомыслов Б.В. - М.: Юрид. лит., 1975. 168 с.

23. Должностные преступления. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления / Галахова А.В. М.: Изд-во Рос. правовой акад. МЮ РФ, 1998. 65 с.

24. Дугина К.С. Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации // Теория и практика современной науки №3(57) 58

25. Егорова Н.А. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Волгоград, 2008. 112 с.

26. Закон РФ от 21.07.1993 N 5473-1 (ред. от 27.12.2019) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Ведомости СНД и ВС РФ. 19.08.1993. N 33. ст. 1316.

27. Закон РФ от 11.03.1992 N 2487-1 (ред. от 02.08.2019) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. N 100. 30.04.1992

28. Иногамова-Хегай Л. Квалификация преступлений, совершенных с использованием служебного положения // Уголовное право. 2015. № 4. С. 25-30.

29. Идрисов К.Р. Особенности мотивации преступлений, совершаемых должностными лицами // Российский следователь. 2016. № 12. С. 23-25.

30. Ильин А.А. Превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): понятие, виды, вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08. Ярославль, 2013. 233 с.

31. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 46-О07-84 от 13 ноября 2007 г. // СПС Консультант Плюс.

32. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 5-О12-117сп от 21 ноября 2012 г. // СПС Консультант Плюс.

33. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 22 января 2007 г. // СПС Консультант Плюс.

34. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 21.01.2015 № 127-УД15-4 // СПС Консультант Плюс.

35. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014, N 31, ст. 4398.

36. Кочои С.М. О недостатках квалификации превышения должностных полномочий (на примере материалов конкретного уголовного дела) // Адвокатская практика. 2014. N 6. С. 44 - 47.

37. Крылова Е. Ответственность за должностные злоупотребления во Франции // Вестник МГУ. 2009. Сер. 11: Право. № 1. С. 90-96.

38. Кособоков А.А., Суслина Е.В. Современный анализ особенностей разграничения составов злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий // В сборнике: Развитие Сборник материалов I-й международной научно-практической студенческой конференции в формате конкурса № I. Ответственный редактор Е.М. Мосолова. 2017. С. 48-59.

39. Львович Е.В. Должностное злоупотребление: проблемы криминализации, квалификации и отграничения от правонарушений, не являющихся преступлениями. Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 23 с.

40. Максимов С.В. Классификация субъектов должностных преступлений // Российский следователь. 2016. N 11. С. 15 - 18.

41. Минькова А.М. Уголовная ответственность за злоупотребление полномочиями в коммерческих и иных организациях: Дис.... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001. 158 с.

42. Морозов В.И. Особенности уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных

полномочий сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2019. № 2 (13). С. 96-104

43. Минх Г. Конституционно-правовые основания уточнения состава субъектов уголовно-правовой ответственности, направленной на борьбу с коррупцией // Полис. 2017. № 4. С. 34-38.

44. Некоторые вопросы судебной практики по делам о преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы, службы в органах местного самоуправления, в коммерческих и иных организациях // Архив Ростовского областного суда // СПС Консультант Плюс.

45. Никонов П.В. Теория и практика квалификации должностных преступлений (Глава 30 УК РФ). СПб.: Юридический центр Пресс, 2016. 704 с.

46. Обобщение судебной практики по уголовным делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий (статьи 285 и 286 УК РФ), рассмотренным судами Астраханской области в 2007 году – первом полугодии 2008 года // СПС Консультант Плюс.

47. Обобщение судебной практики Псковской области по уголовным делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий (ст.ст. 285, 286 УК РФ) [Электронный ресурс]: URL: http://oblsud.psk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=248 (дата обращения: 17.02.2020).

48. Определение Астраханского областного суда от 07 декабря 2017 г. по делу № 22–2593/2017 // СПС Консультант Плюс.

49. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суд РФ от 19.07.2012 г. // СПС Консультант Плюс.

50. Определение Верховного Суда РФ № 25-О09-4 от 05.02.2009 // СПС Консультант Плюс.

51. Определение Верховного суда Республики Алтай от 20 декабря 2018 года по делу № 22–803/2018 // СПС Консультант Плюс.

52. Определение Верховного Суда РФ № 11-ДПР-10-18 от 8 июня 2010 г. // СПС Консультант Плюс.

53. Оренбургский областной суд обязали заново рассмотреть жалобу на приговор экс-полицейским. Материалы сайта [Электронный ресурс]: URL: <http://www.president-sovet.ru/members/blogs/post/3392/> (дата обращения: 17.02.2020).

54. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 01.01.2020) // Российская газета. N 49. 13.03.1993.

55. Ответственность за должностные преступления в зарубежных странах / Отв. ред. Ф.М. Решетников. М: Аст, 2010. 342 с.

56. Пекарев И. Квалификация экономических и должностных преступлений // Уголовное право. 2016. № 4. С. 39-48.

57. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: Комментарий судебной практики и доктринальное толкование / Под ред. Г.М. Резника. М.: Волтерс Клувер, 2005. 1024 с.

58. Плехова О.А. Уголовная ответственность за злоупотребление и превышение должностных полномочий: диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.08.- Ростов-на-Дону, 2006. 203 с.

59. Позняков П.Н. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях: специфика субъекта и уголовного преследования // Прокурорская и следственная практика. 2013. № 1. С. 85-90.

60. Приговор Багратионовского районного суда от 21 мая 2018 г. по делу № 1–61/18 // СПС Консультант Плюс.

61. Приговор Верховного Суда Республики Карелия № 22-1579/2015 от 15 октября 2015 г. по делу № 22-1579/2015 // СПС Консультант Плюс.

62. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29.03.17 № 69-ПРСС // СПС Консультант Плюс.

63. Приговор Северодвинского городского суда от 8 декабря 2017 г. по делу № 1–47/2017 // СПС Консультант Плюс.

64. Приговор Североморского гарнизонного военного суда № 2А-65/2016 2А-65/2019~М-315/2016 от 20 июня 2016 г. // СПС Консультант Плюс.

65. Приговор Ульяновского гарнизонного военного суда № 4-44/2017 от 24 июня 2017 г. // СПС Консультант Плюс.

66. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30.03.1990 N 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге»// Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1990, N 3, ст. 322 (утратил силу).

67. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 (ред. 24.12.2019) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета. N 207, 30.10.2009.

68. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. N 24. 09.02.1999.

69. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 26.03.13. № 51 п2013// СПС Консультант Плюс.

70. Постановление Наркомюста РСФСР от 26.02.1921 «Об усиленной ответственности должностных лиц за преступления, совершаемые при продовольственной работе» // СУ РСФСР. 1921. N 20. ст. 122 (утратил силу).

71. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие УК Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» // СУ РСФСР. 1926. N 80. ст. 600 (утратил силу).

72. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие УК Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1922. N 15. ст. 153 (утратил силу).

73. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие УК Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» // СУ РСФСР. 1926. N 80. ст. 600 (утратил силу).

74. Российское законодательство X - XX веков: Акты Земских соборов. В 9-ти томах. Т. 3 / Отв. ред.: Маньков А.Г.; Под общ. ред.: Чистяков О.И. - М.: Юрид. лит., 1985. 512 с.

75. Российское законодательство X - XX веков: Законодательство периода становления абсолютизма. В 9-ти томах. Т. 4 / Отв. ред.: Маньков А.Г.; Под общ. ред.: Чистяков О.И. - М.: Юрид. лит., 1986. 512 с.

76. Российское законодательство X - XX веков: Законодательство первой половины XIX века. В 9-ти томах. Т. 6 / Отв. ред.: Чистяков О.И. (Под общ. ред.) - М.: Юрид. лит., 1988. 432 с.

77. Смелов И.А. Уголовная ответственность должностных лиц // Чиновникъ. 2017. № 3. С. 23-25.

78. Смирных Д.А. Проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий // Общество и право. 2011. N 2. С. 180 - 183.

79. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917 - 1952 гг. / Под ред.: Голяков И.Т. М.: Госюриздат, 1953. 463 с.

80. Стренин А. Проблемы ответственности за злоупотребление должностными полномочиями // Уголовное право. 2017. № 1. С. 55-57. 85

81. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Японии): Сборник законод. материалов / И.Д. Козочкин. М.: Академия, 2012. 433 с.

82. Уголовное законодательство зарубежных стран / Под ред. Т.Д. Миронова. М.: Норма, 2016. 387 с.

83. Уголовный кодекс Болгарии / Под общ. ред. Н.Ф. Кузнецовой. М.: Спарк, 2010. 112 с.

84. Уголовный кодекс КНР / Под общ. ред. проф. А.И. Коробеева. М.: Проспект, 2011. 110 с.

85. Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова и Ю.И. Ляпунова. М.: Норма, 2012. 785 с.

86. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. N 25. ст. 2954.

87. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. N 40. ст. 591 (утратил силу).

88. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. N 202. 08.10.2003.

89. Федеральный закон от 13.12.1996 N 150-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об оружии» // Российская газета. N 241. 18.12.1996.

90. Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 06.02.2020) «О полиции» // Российская газета. N 28. 10.02.2011.

91. Федеральный закон от 27.05.1996 N 57-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О государственной охране» // Российская газета. N 106, 06.06.1996.

92. Федеральный закон от 03.04.1995 N 40-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О федеральной службе безопасности» // Российская газета. N 72. 12.04.1995.

93. Федеральный закон от 15.07.1995 N 103-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Российская газета. N 139. 20.07.1995.

94. Халиков А.Н. Должностные насильственные преступления, совершаемые в правоохранительной сфере: характеристика, психология, методика расследования. М.: Волтерс Клувер, 2011. 143 с.

95. Хрестоматия по истории российского государства и права / Под ред. И.Ю. Яковенко. СПб.: Питер, 2010. 645 с.

96. Шевченко И.Г. Правовая характеристика должностных преступлений, связанных со злоупотреблением служебным положением // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 1 (35). С. 213-215.

97. Шиханов В.Н. Уголовно-правовая характеристика преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы

в органах местного самоуправления: учебное пособие. - М.: Волтерс Клувер, 2011. 244 с.

98. Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб.: Аст, 2001. 321 с.

99. Шмаков Р.Б. Превышение и злоупотребление должностными полномочиями: вопросы разграничения // Вестник Науки и Творчества. 2019. № 10 (46). С. 27-31.

100. Яни П.С. Вопросы квалификации должностных преступлений в Постановлении Пленума и судебной практике // Законность. 2014. N 4. С. 28-33.

101. Яни П.С. Должностное злоупотребление - частный случай превышения полномочий // Законность. 2011. N 12. С. 12 - 16.

102. Яни П.С. Квалификация должностных преступлений: преодоление теоретических неточностей // Законность. 2011. N 10. С. 19 - 23.

103. Яни П.С. Общественно опасные последствия должностных преступлений // Законность. 2014. N 3. С. 39 - 43.

104. Яни П.С. Разграничение должностного злоупотребления и превышения должностных полномочий // Законность. 2007. № 12. С. 11-13.

105. Яни П.С. Укрытие преступлений от учета: действие или бездействие? // Законность. 2008. № 2. С. 11.

106. Alibux Ayreen N. R. N. Criminogenic conditions, bribery and the economic crisis in the EU: A macro level analysis // European Journal of Criminology. 2016. Vol. 13, iss. 1. P. 22–49.

107. Explaining officer compliance: The importance of procedural justice and trust inside a police organization / N. E. Haas, M. Van Craen, W. G. Skogan, D.M. Fleitas // Criminology and Criminal Justice. 2015. Vol. 15, no. 4. P. 442–463.

108. Kupatadze A. Political corruption in Eurasia: Understanding collusion between states, organized crime and business // Theoretical Criminology. 2015. Vol. 19, no. 2. P. 198–215.

109. Lasslett K. The barbarism of indifference: Sabotage, resistance and state–corporate crime // *Theoretical Criminology*. 2015. Vol. 19, iss. 4. P. 514–533.

110. Tonry M. Is cross-national and comparative research on the criminal justice system useful? / M. Tonry // *European Journal of Criminology*. 2015. Vol. 12, iss. 4. P. 505–516.